

Джеронимо. История его жизни

Джеронимо

Geronimo's Story of His Life

Geronimo and S. M. Barrett

Электронная книга проекта "Гутенберг" с историей жизни Джеронимо

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История жизни Джеронимо

Автор: Джеронимо

Редактор: С. М. Барретт

Дата выхода: 18 февраля 2010 г. [Электронная книга № 31318]

Последнее обновление: 22 июня 2010 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Free Elf, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ ДЖЕРОНИМО

Джеронимо - История его жизни

Снято и отредактировано С. М. БАРРЕТТОМ

Суперинтендант образования, Лоутон, Оклахома

НЬЮ - ЙОРК
ДАФФИЛД И КОМПАНИЯ
1906

Джеронимо

Авторское право, 1905, С. М. Барретт

Авторское право, 1906, Даффилд и компания

Опубликовано в сентябре 1906 г.

ПОСВЯЩАЮЩИЙ

Потому что он разрешил мне рассказать мою историю; потому что он прочитал эту историю и знает, что я стараюсь говорить правду; потому что я верю, что он справедлив и поможет моему народу добиться справедливости в будущем; и потому что он вождь великого народа, я посвящаю эту историю своей жизни Теодору Рузвельту, президенту Соединенных Штатов.

Джеронимо.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первоначальная идея составления этого труда заключалась в том, чтобы предоставить читающей публике подлинный отчет о частной жизни индейцев апачи и распространить на Джеронимо как на военнопленного вежливость, подобающую любому пленнику, т. е. Право изложить причины, побудившие его выступить против нашей цивилизации и законов.

Если дело индейцев будет представлено должным образом, защита пленников будет четко изложена и общий объем информации о типах исчезающих увеличится, я буду удовлетворен.

Я хотел бы принять во внимание ценные предложения майора . Чарльз Тейлор, Форт Силл, Оклахома; доктор Дж. М. Гринвуд, Канзас-Сити, Миссури, и президент Дэвид Р. Бойд из Университета Оклахомы.

Я особенно хочу в этой связи сказать, что без любезного совета и помощи президента Теодора Рузвельта эта книга не была бы написана.

С уважением,

С. М. Барретт.

Лоутон, Оклахома.

14 августа 1906 г..

Как создавалась Книга

Содержание

ГЛАВА

Вводная

СТРАНИЦА

[xi](#)

ЧАСТЬ I

Апачи

I.	Происхождение индейцев апачи	3
II.	Подразделения племени апачей	12
III.	Ранняя жизнь	17
IV.	Племенные развлечения, нравы и обычаи	26
Ст.	Семья	35

ЧАСТЬ II

Мексиканцы

VI.	Кас-ки-йех	43
VII.	Борьба в трудных условиях	55
VIII.	Успешные рейды	69
IX.	Переменная судьба	79
X.	Другие рейды	86
XI.	Тяжелые бои	98
XII.	Самая могущественная битва Джеронимо	105

ЧАСТЬ III

Белые люди

XIII.	Пришествие белых людей	113
XIV.	Величайшее из заблуждений	116
XV.	Удаления	126
XVI.	В тюрьме и на тропе войны	131
XVII.	Последняя битва	139
XVIII.	Капитуляция Джеронимо	148
XIX.	Военнопленный	177

ЧАСТЬ IV

Старое и новое

XX.	Неписанные законы апачей	185
XXI.	На Всемирной выставке	197
XXII.	Религия	207
XXIII.	Надежды на будущее	213

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Джеронимо	<i>Фронтиспис</i>
Как создавалась книга,	<i>Обращенный к странице vi</i>
В костюме, как в старые времена	8
Найче (Натчес), сын Кочизе, наследственный вождь апачей чирикаау.	14
Найче был лейтенантом Джеронимо во время затяжных войн в Аризоне	
Последним из племени апачей Бедонкохе, Туклоннен,	18
Надесте, Наха-та-нил, Порико (Белая лошадь)	
Рабочий скот в загоне апачей	22
Завоеванное оружие	30
Принцесса апачей, дочь Найче, вождя апачей чирикаау	38
Джеронимо, чиуауа, Нанне, Локо, Озон	46
Найче, его мать, две его жены и его дети	50
Эйса Деклуджи, жена и дети	66
Скауты—апачи—Найче, Гуди, Джон Локо, Порико, Джейсен, Эйса Деклуджи, Келберн, Сэм, Хью, капитан Сейерс	70
Три вождя апачей—Найче, сын Коче; Эйса, сын Вау; Чарли, сын Виктории	80
Лагерь апачей	86
Миссия апачей-Долина Медисин-Крик , Военная резервация Форт-Силл	96
Аса Деклуджи (официальный переводчик Джеронимо, сына Воу, вождя апачей недни, избранного вождем преемником Джеронимо после смерти последнего)	100
Джеронимо, военачальник апачей	
Лоун Вулф, вождь кайова	108
Джеронимо, военачальник апачей	
Куанна Паркер, вождь индейцев команчи	118
Готебо, военачальник индейцев кайова	144
Кайта и Нахтин, разведчики-апачи, которые были с генералом Лоутоном	152
Эммой Туклонен	162

У. Ф. Мелтоном, в лагере которого в Скелетоне Каньон Джеронимо сдались	172
Чихуахуа и семья	190
Миссис Аса Деклуджи, племянница Джеронимо и дочь Чиуауа, знаменитого вождя апачей	200
Ева Джеронимо, младшая дочь Джеронимо, 16 лет	200
Готова к посещению церкви	210

ВВОДНЫЙ

Я впервые встретился с Джеронимо летом 1904 года, когда работал у него переводчиком с английского на испанский и наоборот в фильме "Продажа военной шляпы". После этого у него всегда находилось для меня приятное слово, когда мы встречались, но он никогда не вступал со мной в общий разговор, пока не узнал, что однажды я был ранен мексиканцем. Как только ему сказали об этом, он пришел ко мне и открыто высказал свое мнение о среднем мексиканце и о своем отвращении ко всем мексиканцам в целом.

Я пригласил его навестить меня снова, что он и сделал, и по его приглашению я навестил его в его типи в военной резервации Форт-Силл.

Летом 1905 года меня посетил доктор Дж. М. Гринвуд, директор школ в Канзас-Сити, штат Миссури, и я отвел его к шефу полиции. Джеронимо был весьма формален и сдержан, пока доктор Гринвуд не сказал: "Я друг генерала Ховарда, который, как я слышал, говорил о вас". "Пойдемте", - сказал Джеронимо и повел нас в тень, велел принести для нас места, надел свою военную шляпу и угостил арбузом *à l'Apache* (нарезанным большими кусками), при этом он говорил свободно и весело. Когда мы уходили, он настойчиво приглашал нас навестить его снова.

Через несколько дней старый вождь пришел навестить меня и спросил о "моем отце". Я сказал: "Вы имеете в виду старого джентльмена из Канзас—Сити - он вернулся к себе домой". "Он твой отец?" - спросил Джеронимо. "Нет, - сказал я, - мой отец умер двадцать пять лет назад, доктор Гринвуд всего лишь мой друг". После минутного молчания старый индеец заговорил снова, на этот раз тоном, призванным звучать убежденно или, по крайней мере, не допускать дальнейшего обсуждения. "Твой родной отец мертв, этот человек был твоим другом и советчиком с юности. По закону усыновления *он твой отец*. Скажи ему, что он может приходить в мой дом в любое время". Объяснять дальше было бесполезно, поскольку старик решил понять мои отношения с доктором Гринвудом только в соответствии с индийскими обычаями, и я оставил этот вопрос без внимания.

В конце того лета я попросил старого начальника разрешить мне опубликовать кое-что из того, что он мне рассказал, но он возразил, сказав, однако, что, если я заплачу ему и если ответственные офицеры не будут возражать, он расскажет мне всю историю своей жизни. Я

немедленно позвонил в форт (Fort Sill) и попросил у ответственного офицера, лейтенанта Пурингтона, разрешения написать "Жизнь Джеронимо". Мне быстро сообщили, что эта привилегия не будет предоставлена. Лейтенант Пурингтон рассказал мне о множестве грабежей, совершенных Джеронимо и его воинами, и об огромной стоимости усмирения апачей, добавив, что старый апач скорее заслуживал быть повешенным, чем избалованным таким вниманием со стороны гражданских лиц. Мое предположение о том, что наше правительство заплатило многим солдатам и офицерам, чтобы они отправились в Аризону и убили Джеронимо и апачей, и что они, похоже, не знали, как это сделать, не слишком удовлетворило гордость офицера регулярной армии, и я решил обратиться за разрешением в другое место. Соответственно, я написал президенту Рузвельту, что вот старый индеец, которого двадцать лет держали в плену, и ему никогда не давали возможности рассказать свою версию этой истории, и попросил, чтобы Джеронимо разрешили рассказать для публикации историю своей жизни по-своему и чтобы ему гарантировали, что публикация его истории не повлияет неблагоприятно на военнопленных апачей. Обратной почтой я получил сообщение о том, что разрешение было предоставлено. Через несколько дней я получил сообщение из Форт-Силла, что президент приказал ответственному офицеру предоставить разрешение в соответствии с запросом. Была запрошена беседа, чтобы я мог получить инструкции Военного министерства. Когда я отправился в Форт Силл, командующий офицер вручил мне следующую сводку, которая составляла мои инструкции:

Лоутон, Оклахома, 12 августа 1905 года.

Джеронимо, вождь апачей—

С. М. Барретт, суппорт. Школы.

Письмо Президенту, в котором говорится, что вышеупомянутый желает рассказать историю своей жизни, чтобы ее можно было опубликовать, и просит разрешения рассказать ее по-своему, а также желает заверений в том, что то, что он должен сказать, никоим образом не создаст трудностей для племени апачей.

1-я Поддержка.

Военное министерство,
Канцелярия военного министра,
Вашингтон, 25 августа 1905 года.

С уважением передано по указанию исполняющего обязанности начальника штаба через штаб-квартиру Департамента Техаса офицеру, отвечающему за военнопленных апачей в Форт-Силле, территория Оклахома, для замечаний и рекомендаций.

(Подпись) Э. Ф. Лэдд,
военный министр.

2-й индоссамент.

Департамент штаб-квартиры в Техасе,
Канцелярия военного министра,
Сан-Антонио, 29 августа 1905 года.

С уважением передается 1-му лейтенанту. Джордж А. Пурингтон, 8-я кавалерийская,
отвечает за пленных апачей. (Через командира, Форт Силл, О. Т.)

По приказу бригадного генерала Ли.

(Подпись) К. Д. Робертс,
Капитан 7-го пехотного полка,
исполняющий обязанности военного министра.

3d-индоссамент.

Форт Силл, О. Т., 31 августа 1905г.

С уважением обращаюсь к 1-му лейтенанту Г. А. Пурингтону, 8-й кавалерийской, офицеру,
отвечающему за военнопленных апачей, за замечаниями и рекомендациями.

По приказу капитана Дейда.

(Подпись) Джеймс Лонгстрит,
1-й. Лейтенант и Sqdn. Адъютант 13-й кавалерийской. Адъютант.

4-е Одобрение.

Форт Силл, О. Т., 2 сентября 1905г.

С уважением возвращено адъютанту Форт-Силла, О. Т. Я не вижу возражений против того,
чтобы Джеронимо рассказал историю своей прошлой жизни, при условии, что он говорит
правду. Я бы рекомендовал привлечь мистера С. М. Барретта к ответственности за то, что
написано и опубликовано.

(Подпись) Гео. А. Пурингтон,
1-й. Лейтенант. 8-я кавалерийская,
Отвечает за военнопленных апачей.

5-е Одобрение.

Форт Силл, О. Т., 4 сентября 1905г.

С уважением возвращен военному министру, департамент штата Техас, Сан-Антонио,
Техас, привлекая внимание к 4-му одобрению настоящего документа. Рекомендуется
передать рукопись до публикации лейтенанту. Пурингтону, который может передать
правдивость истории.

(Подпись) А. Л. Дейд,
Капитан 13-й кавалерийской, командующий.

6-е Одобрение.

Отдел штаб-квартиры в Техасе,
Сан-Антонио, 8 сентября 1905 г.

С уважением возвращено военному министру, Военное министерство, Вашингтон, округ Колумбия, привлекая внимание к предыдущему одобрению, с которым мы согласны.

(Подпись) Дж. М. Ли,
Бригадный генерал, командующий.

7-е Одобрение.

Военное министерство,
Канцелярия начальника генерального штаба,
Вашингтон, 13 сентября 1905 года.

С уважением представлено уважаемому военному министру, привлекая внимание к вышеуказанным одобрениям.

(Подпись) Дж. К. Бейтс,
генерал-майор, исполняющий обязанности начальника штаба.

8-е Одобрение.

Военное министерство,
15 сентября 1905г.

С уважением возвращено исполняющему обязанности главы администрации для предоставления необходимых полномочий в этом вопросе по официальным каналам с четким пониманием того, что рукопись книги должна быть передана ему до публикации. После получения такой рукописи руководитель аппарата передаст ее тому лицу, которое он может выбрать в качестве компетентного для проведения надлежащей и критической проверки предлагаемой публикации.

(Подпись) Роберт Шоу Оливер,
Исполняющий обязанности военного министра.

9-е Одобрение.

Военное министерство,
Канцелярия военного министра,
Вашингтон, 18 сентября 1905 года.

С уважением возвращен по указанию исполняющего обязанности начальника штаба главнокомандующему техасским департаментом, который даст необходимые инструкции для выполнения указаний исполняющего обязанности военного министра, содержащихся в 8-м одобрении. Желательно, чтобы мистер Барретт был проинформирован соответствующим образом.

(Подпись) Генри П. Маккейн,
Военный министр.

10-е Одобрение.

Отдел штаб-квартиры Техаса,
Канцелярия военного министра,
Сан-Антонио, 23 сентября 1905 года.

С уважением относится к командующему офицеру Форта Силл, территория Оклахома, который даст необходимые инструкции для выполнения указаний исполняющего обязанности военного министра, содержащихся в 8-м одобрении настоящего документа.

Этот документ будет показан и полностью разъяснен мистеру Барретту, а затем возвращен в штаб-квартиру.

По приказу полковника Хьюза.

(Подпись) Гео. Ван Хорн Мозли,
1-й. Лейтенант. 1-я кавалерийская, адъютант,
Исполняющий обязанности военного министра.

В начале октября я заручился услугами образованного индейца Асы Деклуджи, сына Воу, вождя апачей недни, в качестве переводчика, и работа над составлением книги началась.

Джеронимо отказался говорить в присутствии стенографистки или ждать исправлений или вопросов во время рассказа. Каждый день он представлял себе, что он расскажет, и рассказывал это очень ясно и кратко. Он мог предпочесть поговорить в своем собственном вигваме, в доме Асы Деклуги, в какой-нибудь горной лощине или во время скачки размашистым галопом по прерии; куда бы ни привела его фантазия, он рассказывал все, что хотел, и не более. В тот день, когда он впервые изложил какую-либо часть своей автобиографии, его не расспрашивали о каких-либо деталях, и он не добавил ни слова, а просто сказал: "Напишите то, что я сказал", и оставил нас вспоминать и писать историю без чьей-либо помощи. Однако он соглашался прийти в другой день в мой кабинет или в любое указанное мной место и послушать воспроизведение (на языке Apache) того, что было рассказано, и в такое время отвечал на все вопросы или добавлял информацию везде, где он был убежден, что это необходимо.

Вскоре ему так надоело писать книги, что он отказался бы от этой задачи, если бы не тот факт, что он согласился рассказать всю историю целиком. Когда он однажды дает свое слово, ничто не заставит его отказаться от выполнения своего обещания. Очень яркую иллюстрацию этому он представил в начале января 1906 года. Он согласился прийти в мой кабинет в определенный день, но в назначенный час переводчик пришел один и сказал, что Джеронимо очень болен простудой и лихорадкой. Он пришел сказать мне, что мы должны назначить другую дату, так как он опасался, что у старого воина случился приступ пневмонии. День был холодный, и переводчик придвинул стул к каминной решетке, чтобы согреться после долгой поездки. Усаживаясь, он выглянул в окно, затем быстро встал и, не говоря ни слова, указал на быстро

движущийся объект, направлявшийся в нашу сторону. Через мгновение я узнал старого вождя, который яростно скакал верхом (очевидно, стараясь прибыть как можно скорее после прибытия переводчика), его лошадь была вся в пене и шаталась от изнеможения. Спешившись, он вошел и сказал хриплым шепотом: "Я обещал прийти. Я здесь".

Я объяснил ему, что не ожидал, что он придет в такой ненастный день, и что в его физическом состоянии он не должен пытаться работать. Он постоял некоторое время, а затем, не говоря ни слова, вышел из комнаты, снова сел на своего усталого пони и, опустив голову, встретил десять долгих миль холодного северного ветра — он сдержал свое обещание.

Когда он закончил свой рассказ, я передал рукопись майору Чарльзу У. Тейлору, восемнадцатому кавалерийскому полку, коменданту Форт-Силла, Оклахома, который дал мне несколько ценных советов относительно дополнительной информации, которую я попросил Джеронимо предоставить. В большинстве случаев старый вождь давал желаемую информацию, но в некоторых случаях он отказывался, объясняя свои причины для этого.

Когда дополнительная информация была включена, я передал рукопись президенту Рузвельту, из письма которого я цитирую: "Это очень интересный том, который находится у вас в рукописи, но я бы посоветовал вам снять с себя ответственность во всех случаях, когда подвергается нападкам репутация человека".

В соответствии с этим предложением я распространил по всей книге примечания, в которых снимаю с себя ответственность за негативную критику любых лиц, упомянутых Джеронимо.

2 июня 1906 года я передал полную рукопись в Военное министерство. Следующая цитата взята из сопроводительного письма:

"В соответствии с одобрением номер восемь "Краткого отчета", представленного мне командующим фортом Силл, одобрение которого представляло собой инструкции Департамента, настоящим я представляю рукопись Автобиографии Джеронимо.

"Рукопись была передана Президенту, и по его предложению я снимаю с себя какую-либо ответственность за критику (сделанную Джеронимо) упомянутых лиц".

Через шесть недель после отправки рукописи Томас К. Барри, бригадный генерал, помощник начальника штаба, направил президенту следующее:

Меморандум для военного министра.

"Тема: Рукопись автобиографии Джеронимо. Настоящий документ, который был направлен в этот офис 6 июля с инструкциями сообщить, есть ли в нем что-либо предосудительное, возвращается.

"Рукопись представляет собой интересную автобиографию известного индейца, написанную им самим. Существует ряд пассажей, которые, с точки зрения департамента, решительно вызывают возражения. Они находятся на страницах 73, 74, 90, 91 и 97 и выделены красными линиями на полях. Вся рукопись представляется важной, поскольку показывает индийскую сторону в затянувшемся споре, но считается, что документ, полностью или частично, не должен получать одобрения Военного министерства".

Меморандум опубликован для того, чтобы возражения Военного министерства могли быть доведены до сведения общественности.

Возражение выдвигается против упоминания на страницах семьдесят третьей и семьдесят четвертой рукописи о нападении солдат США на индейцев в палатке на перевале Апачи или в Боуи. Заявление Джеронимо, однако, в значительной степени подтверждается Л. К. Хьюзом, редактором *The Star*, Тусон, Аризона.

На девяностой и девяносто первой страницах рукописи Джеронимо критикует генерала Крука. Эта критика - просто частное мнение Джеронимо о генерале Круке. Мы считаем это личным делом и оставляем без комментариев, поскольку оно никоим образом не касается истории апачей.

На девяносто седьмой странице рукописи Джеронимо обвиняет генерала Майлза в недобросовестности. Конечно, генерал Майлз заключил договор с апачами, но мы очень хорошо знаем, что он не несет ответственности за то, как правительство впоследствии обращалось с военнопленными. Однако Джеронимо не может этого понять и возлагает на генерала Майлза вину за то, что он называет несправедливым обращением.

Нельзя было ожидать, что Военное министерство одобрит негативную критику своих собственных действий, но особенно отрадно, что эта критика была воспринята столь либерально, а также что в меморандуме представлено такое откровенное изложение достоинств Автобиографии. Конечно, ни президент, ни Военное министерство никоим образом не несут ответственности за то, что говорит Джеронимо; ему просто была предоставлена возможность изложить свою точку зрения так, как он ее видит.

Тот факт, что Джеронимо рассказал историю по-своему, несомненно, является единственным оправданием многих нетрадиционных черт этого произведения.

ЧАСТЬ I

АПАЧИ

ДЖЕРОНИМО

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ АПАЧИ

Вначале мир был покрыт тьмой. Не было ни солнца, ни дня. В вечной ночи не было ни луны, ни звезд.

Однако там водились всевозможные звери и птицы. Среди зверей было много отвратительных, безымянных чудовищ, а также драконы, львы, тигры, волки, лисы, бобры, кролики, белки, крысы, мыши и всевозможные пресмыкающиеся, такие как ящерицы и змеи. Человечество не могло процветать в таких условиях, ибо звери и змеи уничтожили все человеческое потомство.

Все существа обладали даром речи и были одарены разумом.

Существовали два племени существ: птицы, или племя пернатых, и звери. Первые были организованы под руководством своего вождя орла.

Эти племена часто устраивали советы, и птицы хотели, чтобы свет был допущен. Звери неоднократно отказывались это делать. В конце концов птицы начали войну против зверей.

Звери были вооружены дубинками, но орел научил свое племя пользоваться луками и стрелами. Змеи были настолько мудры, что убить их всех было невозможно. Один из них укрылся на отвесном утесе горы в Аризоне, и его глаз (превратившийся в блестящий камень) можно увидеть в этом камне по сей день. Убитые медведи превращались в нескольких других медведей, так что чем больше медведей убивало пернатое племя, тем больше их становилось. Дракона тоже нельзя было убить, потому что он был покрыт четырьмя слоями роговой чешуи, и стрелы не пробивали их. Одно из самых отвратительных, мерзких чудовищ (безымянное) было защищено от стрел, поэтому орел взлетел высоко в воздух с круглым белым камнем и обрушил его на голову этого чудовища, мгновенно убив его. Это было настолько хорошее служение, что камень назвали священным. (Символ этого камня используется в племенной игре Ках. [1]) Они сражались много дней, но в конце концов птицы одержали победу.

После окончания этой войны, хотя некоторые злые звери остались, птицы смогли контролировать советы, и был допущен свет. Тогда человечество могло жить и процветать. Орел был главным в этой честной битве, поэтому его перья носили люди как эмблемы мудрости, справедливости и силы.

Среди немногих людей, которые еще были живы, была женщина, которой посчастливилось иметь много детей, но они всегда были уничтожены зверями. Если ей каким-либо образом удастся ускользнуть от остальных, дракон, который был очень мудрым и очень злым, придет сам и съест ее детенышей.

Спустя много лет у нее родился сын ливня, и она вырыла для него глубокую пещеру. Вход в эту пещеру она закрыла, а над этим местом развела походный костер. Это скрывало место, где прятался младенец, и согревало его. Каждый день она убирала огонь и спускалась в пещеру, где стояла кровать ребенка, чтобы покормить его; затем она возвращалась и снова разводила костер.

Часто дракон приходил и расспрашивал ее, но она отвечала: "У меня больше нет детей; ты съела их всех".

Когда ребенок подрос, он не всегда оставался в пещере, потому что иногда ему хотелось побегать и поиграть. Однажды дракон увидел его следы. Это привело старого дракона в замешательство и ярость, потому что он не мог найти место, где прятался мальчик; но он сказал, что уничтожит мать, если она не откроет место, где прятался ребенок. Бедная мать была очень

встревожена; она не могла отказаться от своего ребенка, но она знала силу и коварство дракона, поэтому жила в постоянном страхе.

Вскоре после этого мальчик сказал, что хочет отправиться на охоту. Мать не давала своего согласия. Она рассказала ему о драконе, волках и змеях, но он сказал: "Завтра я ухожу".

По просьбе мальчика его дядя (который был единственным жившим тогда мужчиной) сделал для него маленький лук и несколько стрел, и на следующий день они вдвоем отправились на охоту. Они выследили оленя далеко в горах, и, наконец, мальчик убил самца. Дядя показал ему, как разделывать оленя и жарить мясо. Они зажарили две задние части, одну для ребенка и одну для его дяди. Когда мясо было готово, они повесили его остывать на кусты. Как раз в этот момент появилась огромная фигура дракона. Ребенок не испугался, но его дядя так онемел от страха, что не говорил и не двигался.

Дракон взял у мальчика сверток с мясом и отошел с ним в сторону. Он положил мясо на другой куст и сел рядом с ним. Затем он сказал: "Это тот ребенок, которого я искал. Мальчик, ты красивый и толстый, поэтому, когда я съем эту оленину, я съем тебя". Мальчик сказал: "Нет, ты не будешь есть меня, и ты не будешь есть это мясо". Поэтому он подошел к тому месту, где сидел дракон, и отнес мясо на свое место. Дракон сказал: "Мне нравится твоя храбрость, но ты глуп; как ты думаешь, что ты мог бы сделать?" "Что ж, - сказал мальчик, - я могу сделать достаточно, чтобы защитить себя, как ты, возможно, узнаешь". Затем дракон снова взял мясо, и тогда мальчик забрал его обратно. Всего дракон брал мясо четыре раза, и после четвертого раза мальчик положил мясо обратно и сказал: "Дракон, ты будешь драться со мной?" Дракон сказал: "Да, любым способом, каким захочешь". Мальчик сказал: "Я буду стоять в ста шагах от тебя, и ты сможешь сделать в меня четыре выстрела из своего лука и стрел, при условии, что затем ты поменяешься со мной местами и сделаешь четыре выстрела". "Хорошо", - сказал дракон. "Встань".

Одет как в Старые добрые времена

Затем дракон взял свой лук, который был сделан из большой сосны. Он достал из своего колчана четыре стрелы; они были сделаны из молодых сосновых побегов, и каждая стрела была двадцати футов в длину. Он намеренно прицелился, но как только стрела вылетела из лука,

мальчик издал странный звук и подпрыгнул в воздух. Тотчас же стрела разлетелась на тысячу осколков, и было видно, что мальчик стоит на вершине яркой радуги над тем местом, куда был направлен прицел дракона. Вскоре радуга исчезла, и мальчик снова стоял на земле. Это повторилось четыре раза, затем мальчик сказал: "Дракон, стой здесь; пришло мое время стрелять". Дракон сказал: "Хорошо, твои маленькие стрелы не могут пробить мой первый слой рога, а у меня есть еще три слоя — стреляй прочь". Мальчик пустил стрелу, попав дракону прямо в сердце, и один слой огромной роговой чешуи упал на землю. Следующий выстрел нанес еще один удар, потом еще, и сердце дракона обнажилось. Затем дракон задрожал, но не мог пошевелиться. Прежде чем была выпущена четвертая стрела, мальчик сказал: "Дядя, ты онемел от страха; ты не двигался; иди сюда, или дракон упадет на тебя". Дядя подбежал к нему. Затем он метко выпустил четвертую стрелу, и она пронзила сердце дракона. С оглушительным ревом дракон покатился вниз по склону горы — вниз по четырем пропастям в каньон внизу.

Тотчас же грозовые тучи заволокли горы, сверкнула молния, раскатился гром и полил дождь. Когда ливень прошел, далеко внизу, в каньоне, они увидели фрагменты огромного тела дракона, лежащие среди камней, и кости этого дракона все еще можно найти там.

Этого мальчика звали Апач. Используйте [2] научил его, как готовить травы для медицины, как охотиться и как сражаться. Он был первым вождem индейцев и носил орлиные перья как знак справедливости, мудрости и власти. Ему и его народу, какими они были созданы, Усен дал дома на земле запада.

СНОСКИ:

[1] См. Главу IV.

[2] Usen - это слово Apache, обозначающее Бога. Оно использовано здесь, потому что подразумевает атрибуты божества, которые присутствуют в их примитивной религии. "Апачи" означает "Враг".

ГЛАВА II

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕНИ АПАЧЕЙ

Индейцы апачи делятся на шесть подплемен. К одному из них, бе-дон-ко-хе, принадлежу и я.

Наше племя населяло ту горную область, которая лежит к западу от восточной границы Аризоны и к югу от истоков реки Гила.

К востоку от нас жили чи-хен-не (Охо Кальенте), (Горячие источники) Апачи. У нашего племени никогда не было с ними никаких трудностей. Виктория, их вождь, всегда была мне другом. Он всегда помогал нашему племени, когда мы просили его о помощи. Он отдал свою жизнь, защищая права своего народа. Он был хорошим человеком и храбрым воином. Его сын Чарли сейчас живет здесь, в этой резервации, с нами.

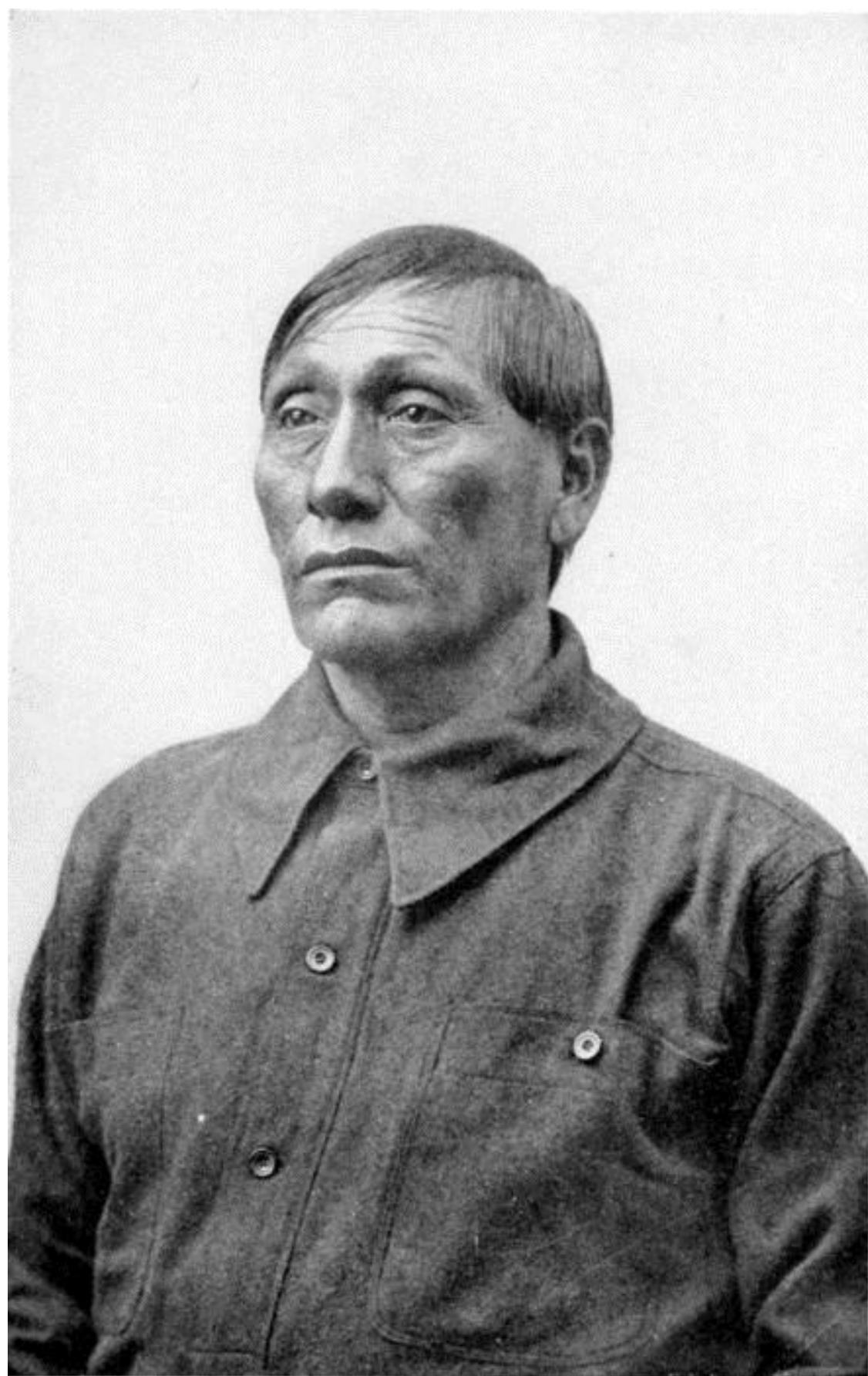
К северу от нас жили апачи Белой горы. Они не всегда были в лучших отношениях с нашим племенем, но мы редко воевали с ними. Я лично знал их вождя Хаш-ка-ай-ла и считал его хорошим воином. Их ареал был рядом с ареалом индейцев навахо, которые не были одной крови с апачами. Мы держали советы со всеми племенами апачей, но никогда с индейцами навахо. Однако мы торговали с ними и иногда навещали их.

К западу от нашей страны кочевали апачи чи-и-а-хен. В мое время у них было два вождя, Ко-сито и Ко-да-ху-я. Они были дружелюбны, но не близки с нашим племенем.

К югу от нас жили чо-кон-эн (чирикауа). Апачи, вождем которых в старые времена был Ко-чайзе, а позже его сын Найче. Это племя всегда было с нами в самых дружеских отношениях. Мы часто бывали вместе в лагере и в пути. Найче, который был моим товарищем по оружию, теперь мой товарищ по рабству.

К югу и западу от нас жили апачи Нед-ни. Их вождем был Воу, которого мексиканцы называли капитан Воу. Они были нашими заклятыми друзьями. Земля этого племени лежит частично в Старой Мексике, а частично в Аризоне. [3] Вау и я часто разбивали лагерь и сражались бок о бок, как братья. Мои враги были его врагами, мои друзья - его друзьями. Сейчас он мертв, но его сын Аса интерпретирует эту историю для меня.

И все же четыре племени (бедонкохе, чоконен, чихенне и недни), которые были близкими друзьями во времена свободы, держатся вместе по мере того, как их численность уменьшается. Только уничтожение всего нашего народа могло бы разорвать наши узы дружбы.

Найче (Натчес), сын Кохизе. Наследственный вождь апачей чирикаау. Найче был лейтенантом Джеронимо во время затяжных войн в Аризоне.

Мы исчезаем с лица земли, но я не могу думать, что мы бесполезны, иначе Усен не создал бы нас. Он сотворил все человеческие племена и, несомненно, имел праведную цель при создании каждого из них.

Для каждого племени людей, созданного Усеном, Он также создал дом. На земле, созданной для какого-либо конкретного племени, Он размещал все, что было наилучшим для благополучия этого племени.

Когда Усен создал апачей, Он также создал их дома на Западе. Он дал им столько зерна, фруктов и дичи, сколько им было нужно для еды. Чтобы восстановить их здоровье, когда на них нападала болезнь, Он выращивал много разных трав. Он научил их, где найти эти травы и как приготовить их для приготовления лекарств. Он дал им приятный климат, и все, что им было нужно для одежды и крова, было под рукой.

Так было вначале: апачи и их дома были созданы друг для друга самим Усеном. Когда их забирают из этих домов, они заболевают и умирают. Как долго [4], пока не будет сказано, что Apaches отсутствуют?

СНОСКИ:

[3] Линии границы, установленные в разное время между Мексикой и Соединенными Штатами, конечно, не соответствовали линиям границы этих племен апачей, и индейцы вскоре увидели и воспользовались международными вопросами, возникающими из-за конфликта интересов двух правительств.

[4] Численность индейцев апачи, удерживаемых военнопленными, значительно уменьшается. Кажется, что особой причины нет, но, тем не менее, их число становится все меньше.

ГЛАВА III

РАННЯЯ ЖИЗНЬ

Я родился в Но-дойон-Каньоне, штат Аризона, в июне 1829 года.

В той стране, которая лежит у истоков реки Гила, я вырос. Этот хребет был нашей родиной; среди этих гор были спрятаны наши вигвамы; в разбросанных по нему долинах находились наши поля; бескрайние прерии, простиравшиеся во все стороны, были нашими пастбищами; скалистые пещеры были местами наших захоронений.

Я был четвертым [5] в семье из восьми детей —четырех мальчиков и четырех девочек. Из этой семьи в живых остались только я, мой брат Порико (Белая Лошадь) и моя сестра Нах-да-сте. Нас держат как военнопленных в этой Военной резервации (Форт Силл).

Младенцем я катался по земляному полу вигвама моего отца, висел в своей тсоче (название колыбели у апачей) за спиной матери или подвешенный к суку дерева. Меня согревало солнце, укачивал ветер и укрывали деревья, как других индейских младенцев.

Когда я был ребенком, моя мать рассказывала мне легенды нашего народа; рассказывала о солнце и небе, луне и звездах, облаках и бурях. Она также научила меня становиться на колени и молиться Усену о силе, здоровье, мудрости и защите. Мы никогда не молились ни против кого, но если у нас было что-то против кого-то, мы сами мстили. Нас учили, что Усена не волнуют мелкие ссоры мужчин.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕМЕНИ АПАЧЕЙ БЕДОНКОХЕ

Туклоннен Надежда На-та-нил Порико (Белая лошадь)

Мой отец часто рассказывал мне о храбрых подвигах наших воинов, об удовольствиях охоты и славе тропы войны.

Со своими братьями и сестрами я играл в доме моего отца. Иногда мы играли в прятки среди скал и сосен; иногда бездельничали в тени тополей или искали шудок (разновидность дикой вишни), пока наши родители работали в поле. Иногда мы играли в то, что мы воины. Мы практиковались в краже какого-нибудь предмета, представляющего врага, и в нашем детском подражании часто совершали военные подвиги. Иногда мы прятались подальше от нашей матери, чтобы посмотреть, сможет ли она найти нас, и часто, когда мы были так спрятаны, ложились спать и, возможно, оставались спрятанными в течение многих часов.

Когда мы стали достаточно взрослыми, чтобы по-настоящему служить, мы пошли на поле вместе с родителями: не играть, а трудиться. Когда нужно было сажать урожай, мы рыли землю деревянными мотыгами. Кукурузу мы сажали ровными рядами, фасоль - среди кукурузы, а дыни и тыквы - в неправильном порядке по полю. Мы выращивали эти культуры по мере необходимости.

Наше поле обычно занимало около двух акров земли. Поля никогда не были огорожены. Для многих семей было обычным делом обрабатывать землю в одной долине и разделять бремя защиты растущих урожаев от уничтожения пони племени или оленями и другими дикими животными.

Дыни собирали по мере их употребления. Осенью собирали тыквы и бобы и укладывали их в мешки или корзины; початки кукурузы связывали вместе шелухой, а затем урожай несли на спинах пони по домам. Здесь кукурузу очищали от скорлупы, а весь урожай хранили в пещерах или других укромных местах для использования зимой.

Мы никогда не кормили наших пони кукурузой, но если мы не давали им спать зимой, то давали им корма в пищу. У нас не было ни крупного рогатого скота, ни других домашних животных, кроме наших собак и пони.

Мы не выращивали табак, но обнаружили, что он растет в диком виде. Его мы срезали и высушили осенью, но если запасы заканчивались, листья со стеблей, оставшиеся стоять, служили нашей цели. Все индейцы курили [6]—мужчины и женщины. Ни одному мальчику не разрешалось курить, пока он не поохотился в одиночку и не убил крупную дичь — волков и медведей. Незамужним женщинам не запрещалось курить, но это считалось нескромным. Почти все матроны курили.

Помимо измельчения кукурузы (вручную, с помощью каменных ступок и пестиков) для приготовления хлеба, мы иногда измельчали ее и замачивали, а после того, как она перебродила, из этого сока получался "тисвин", который обладал опьяняющей силой и очень высоко ценился индейцами. Эту работу выполняли скво и дети. Когда нужно было собирать ягоды или орехи, маленькие дети и скво собирались группами, чтобы поохотиться на них, и иногда оставались там на весь день. Когда они удалялись от лагеря на большое расстояние, то брали пони, чтобы нести корзины.

Рабочий скот в загоне Апачей

Я часто ходил с этими группами, и во время одной из таких экскурсий женщина по имени Чо-коле отстала от группы и ехала на своем пони через заросли в поисках своих друзей. Ее маленькая собачка следовала за ней, пока она медленно пробиралась сквозь густой подлесок и сосны. Внезапно на ее пути возник медведь гризли и напал на пони. Она прыгнула, и ее пони убежал, но медведь напал на нее, поэтому она боролась с ним изо всех сил своим ножом. Ее маленькая собачка, щелкнув медведя по пяткам и отвлекая его внимание от женщины, позволила ей некоторое время держаться вне пределов его досягаемости. Наконец гризли ударил ее по голове, сорвав почти весь скальп. Она упала, но не потеряла сознания, и, пока лежала ниц, нанесла ему четыре хороших удара своим ножом, и он отступил. После того, как он ушел, она заменила свой разорванный скальп и перевязала его, как могла, затем ей стало смертельно плохо, и ей пришлось лечь. Той ночью ее пони пришел в лагерь с грузом орехов и ягод, но без всадника. Индейцы охотились за ней, но нашли только на второй день. Они отнесли ее домой, и под присмотром их знахарей все ее раны зажили.

Индейцы знали, какие травы использовать для приготовления лекарств, как их готовить и как давать лекарство. Этому их научил Усен в самом начале, и в каждом последующем поколении были люди, искусные в искусстве врачевания.

При сборе трав, их приготовлении и введении лекарства в молитву верили не меньше, чем в фактический эффект лекарства. Обычно около восьми человек работали вместе над приготовлением лекарства, и на каждом этапе процесса присутствовали различные формы молитв и заклинаний. Четверо занимались заклинаниями, а четверо - приготовлением трав.

Некоторые индейцы были искусны в вырезании пуль, наконечников стрел и других метательных снарядов, которыми были ранены воины. Я сам проделывал многое из этого, используя обычный кортик или мясницкий нож. [7]

Маленькие дети носили очень мало одежды зимой и совсем ничего летом. Женщины обычно носили примитивную юбку, которая состояла из куска хлопчатобумажной ткани, завязывавшегося на талии и доходившего до колен. Мужчины носили набедренные повязки и мокасины. Зимой у них вдобавок были рубашки и леггинсы.

Часто, когда племя стояло лагерем, несколько мальчиков и девочек по договоренности тайком уходили и встречались в месте, расположенном на расстоянии нескольких миль, где они могли играть весь день, свободный от заданий. Их никогда не наказывали за эти шалости, но если их тайники обнаруживались, над ними смеялись.

СНОСКИ:

[5] Четыре - магическое число у апачей Бедонкохе. У дракона было четыре слоя чешуи; он четыре раза брал мясо маленького Апача; они (дракон и Апач) обменялись четырьмя выстрелами — дракон скатился в четыре пропасти. В племенной игре в Ках используются четыре мокасины, и можно сыграть только в четыре игры. Мальчик должен четыре раза пройти с воинами по тропе войны, прежде чем его смогут принять в совет.

Джеронимо - четвертый в семье из четырех мальчиков и четырех девочек. У него было четыре жены, которые были чистокровными апачами бедонкохе, и четыре, в которых была часть крови

апачей бедонкохе и часть другой крови апачей. Четверо его детей были убиты мексиканцами, а четверо находились в рабстве у правительства США. Он твердо верит в судьбу и в магию числа четыре. Кроме Джеронимо, в живых сейчас остались только четверо чистокровных апачей бедонкохе. Это Порико (Белая лошадь), Нах-да-сте, Мох-та-нил и То-клон-нен.

[6] Апачи не курили трубку мира, если только это не предлагали другие индейцы. У них не было больших трубок; на самом деле они обычно курили сигареты, сделанные путем заворачивания табака в обертки из дубовых листьев.

[7] Единственное основание для часто делаемого утверждения, что Джеронимо был знахарем.

ГЛАВА IV

ПЛЕМЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ, МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ

В честь каждого отмеченного события устраивался пир и танцы. Возможно, приглашались только наши соплеменники, возможно, соседние племена. Эти празднества обычно длились около четырех дней. Днем мы пиروвали, ночью под руководством какого-нибудь вождя танцевали. Музыкой для нашего танца было пение под руководством воинов, сопровождаемое ударами в эсададедне (оленья шкура на обруче). Слов не было — только звуки. Когда пиршество и танцы заканчивались, мы устраивали скачки, пешие забеги, борьбу, прыжки и всевозможные игры (азартные игры).

Среди этих игр наиболее известной была племенная игра в Ках (фут). Игра ведется следующим образом: четыре мокасины кладутся на расстоянии около четырех футов друг от друга в ямы в земле, вырытые в ряд на одной стороне лагеря, а на противоположной стороне такой же параллельный ряд. Ночью между этими двумя рядами мокасин разводится походный костер, и игроки располагаются по бокам, по одному или в любом количестве с каждой стороны. Счет ведется связкой клюшек, из которой каждая сторона берет по клюшке за каждое выигранное очко. Сначала одна сторона берет кость (символ белого камня, который орел использовал при убийстве безымянного монстра — см. [Главу I](#)), расстилает одеяла между четырьмя мокасинами и огнем, чтобы команда противника не могла наблюдать за их движениями, а затем начинает петь легенды о сотворении мира. Сторона с костью представляет пернатое племя, противоположная сторона представляет зверей. Игроки, представляющие птиц, исполняют все песни, и во время пения прячут кость в один из мокасин, затем сбрасывают одеяла. Они продолжают петь, но как только одеяла сброшены, выбранный игрок из команды противника, вооруженный боевой дубинкой, подходит к их стороне костра и своей дубинкой бьет по мокасину, в которой, по его мнению, спрятана кость. Если он ударяет по правому мокасину, его сторона получает кость и, в свою очередь, представляет птиц, в то время как команда противника должна молчать и угадывать по очереди. Всего четыре игры; три проигрышные и одна выигрышная. Когда из связки выпадают все клюшки, сторона, имеющая наибольшее количество клюшек, считается победителем.

В эту игру играют редко, разве что в качестве азартной игры, но для этой цели это самая популярная игра, известная племени. Обычно игра длится четыре-пять часов. В нее никогда не играют днем.

После окончания игр посетители говорят: "Мы довольны", и лагерь разбивается. Я всегда радовался, когда объявляли о танцах и праздниках. Как и все остальные молодые люди.

В нашей жизни была и религиозная сторона. У нас не было ни церквей, ни религиозных организаций, ни субботы, ни праздников, и все же мы поклонялись. Иногда все племя собиралось, чтобы спеть и помолиться; иногда меньшее количество, возможно, всего двое или трое. В песнях было несколько слов, но они не были официальными. Певец иногда вставлял такие слова, какие хотел, вместо обычного звукового сопровождения. Иногда мы молились молча; иногда каждый молился вслух; иногда пожилой человек молился за всех нас. В другое время кто-нибудь вставал и говорил с нами о наших обязанностях [8] друг к другу и к Усен. Наши услуги были короткими.

Когда свирепствовали болезни или мор, наши лидеры собирали нас и допрашивали, чтобы выяснить, какое зло мы совершили и как Усен может быть удовлетворен. Иногда жертвоприношение считалось необходимым. Иногда провинившийся был наказан.

Если апач позволял своим престарелым родителям страдать из-за еды или крова, если он пренебрегал больными или жестоко обращался с ними, если он осквернял нашу религию или был неверен, его могли изгнать из племени.

У апачей не было тюрем, как у белых людей. Вместо того, чтобы отправлять своих преступников в тюрьму, они высылали их из своего племени. Эти вероломные, жестокие, ленивые или трусливые члены племени были исключены таким образом, что они не могли присоединиться ни к какому другому племени. У них также не было никакой защиты от наших неписаных племенных законов. Часто эти индейцы-преступники объединялись и совершали грабежи, в которых обвинялось обычное племя. Однако жизнь индейца-изгнанника была тяжелой, и их банды так и не стали очень большими; кроме того, эти банды часто вызывали гнев племени и сами обеспечивали себе уничтожение.

Завоеванное Оружие

Когда мне было лет восемь или десять, я начал увлекаться погоней, и для меня это никогда не было работой.

По прериям, которые простирались до наших горных домов, бродили стада оленей, антилоп, лосей и буйволов, которых мы забивали, когда они нам требовались.

Обычно мы охотились на бизонов верхом, убивая их стрелами и копьями. Из их шкур делали вигвамы и подстилки; из их мяса - пищу.

Охота на оленя требовала большего мастерства, чем на любое другое животное. Мы никогда не пытались приблизиться к оленю, кроме как против ветра. Часто мы часами крались к пасущимся оленям. Если бы они были на открытом месте, мы бы проползли большие расстояния по земле, держа перед собой сорняк или кустарник, чтобы наше приближение не было замечено. Часто нам удавалось убить нескольких из одного стада, прежде чем остальные разбежались. Их мясо высушивали и упаковывали в сосуды, и в таком состоянии оно сохранялось много месяцев. Шкуру оленя замачивали в воде с золой и удаляли шерсть, а затем процесс дубления продолжался до тех пор, пока оленья шкура не становилась мягкой и податливой. Пожалуй, ни одно другое животное не было для нас более ценным, чем олень.

В лесах и вдоль ручьев было много диких индеек. Их мы загоняли на равнины, затем медленно подъезжали к ним, пока они почти не уставали. Когда они начинали падать и прятаться, мы подъезжали к ним и, раскачиваясь сбоку от наших лошадей, ловили их. Если кто-нибудь начинал летать, мы быстро проскакивали под ним и убивали его короткой палкой или охотничьей дубинкой. Таким образом, нам обычно удавалось добыть столько диких индеек, сколько мы могли отвезти домой на лошади.

В нашем ареале было много кроликов, и мы также охотились на них верхом. Наши лошади были обучены следовать за кроликом на полной скорости, и когда они приближались к ним, мы раскачивались сбоку от лошади и били кролика нашей охотничьей дубинкой. Если он был слишком далеко, мы бросали палку и убивали его. Когда мы были мальчиками, это было отличным развлечением, но как воины мы редко охотились на мелкую дичь.

В ручьях было много рыбы, но поскольку мы ее не ели, то и не пытались поймать или убить. Маленькие мальчики иногда бросали в них камни или стреляли в них для практики из луков и стрел. Усен не собирался есть змей, лягушек или рыб. Я никогда их не ел.

В горах было много орлов. Мы охотились на них ради их перьев. Требовалось большое мастерство, чтобы подкрасться к орлу, потому что, помимо острого зрения, он еще и мудр и никогда не останавливается там, где у него нет хорошего обзора окружающей местности.

Я убил много медведей копьем, но ни разу не был ранен в схватке с ними. Я убил нескольких горных львов стрелами и одного копьем. И медведи, и горные львы хороши в качестве пищи и ценны своей шкурой. Когда мы убивали их, то везли домой на наших лошадях. Мы часто делали колчаны для наших стрел из шкуры горного льва. Они были очень красивыми и очень прочными.

Пока я был несовершеннолетним, мы никогда не видели миссионера или священника. Мы никогда не видели белого человека. Так тихо жили апачи Бе-дон-ко-хе.

СНОСКА:

[8] Апачи не признавали никаких обязанностей ни перед кем за пределами своего племени. Не было греха убивать врагов или грабить их. Однако, если они принимали какую-либо услугу от незнакомца или позволяли ему каким-либо образом разделять их удобства, он становился (путем усыновления) родственником племени, и они должны признавать свой долг перед ним.

ГЛАВА V

СЕМЬЯ

Мой дед, Мако, был нашим вождем. Я никогда не видел его, но мой отец часто рассказывал мне об огромных размерах, силе и проницательности этого старого воина. Их основные войны велись с мексиканцами. У них было несколько войн и с другими племенами индейцев, но они редко надолго оставались в мире с мексиканскими городами.

Мако умер, когда мой отец был всего лишь молодым воином, и Мангус-Колорадо [9] стал вождем апачей бедонкохе. Когда я был совсем маленьким, мой отец умер, проболев некоторое время. Когда он скончался, наблюдатели осторожно закрыли ему глаза, затем они одели его в его лучшую одежду, заново раскрасили его лицо, завернули в богатое одеяло, оседлали его любимого коня, держали его руки перед собой и вели его лошадь позади, повторяя плачущим голосом его доблестные поступки, когда несли его тело в пещеру в горе. Затем они убили его лошадей, и мы отдали все остальное его имущество, [10] как было принято в нашем племени, после чего его тело было оставлено в пещере, его руки лежали рядом с ним. Его могила скрыта грудой камней. Окутанный великолепием, он лежит в уединении, и ветры в соснах тихо поют реквием по погибшему воину.

После смерти моего отца я взял на себя заботу о моей матери. Она так и не вышла замуж снова, хотя по обычаям нашего племени могла бы сделать это сразу после его смерти. Однако обычно вдова, у которой есть дети, остается незамужней после смерти мужа в течение двух или трех лет; но вдова, не имеющая детей, немедленно выходит замуж снова. После смерти воина его вдова возвращается к своему народу и может быть выдана замуж или продана своим отцом или братьями. Моя мать предпочла жить со мной, и она никогда не хотела снова выходить замуж. Мы жили недалеко от нашего старого дома, и я поддерживал ее.

В 1846 году, когда мне было семнадцать лет, я был принят в совет воинов. Тогда я был очень счастлив, потому что мог ходить, куда хотел, и делать все, что мне нравилось. Я не находился под контролем какого-либо отдельного человека, но обычаи нашего племени запрещали мне разделять славу тропы войны до тех пор, пока совет не допустит меня. После этого, когда представится возможность, я мог бы выйти на тропу войны со своим племенем. Это было бы великолепно. Я надеялся вскоре послужить своему народу в битве. Я давно мечтал сразиться с нашими воинами.

Возможно, самой большой радостью для меня было то, что теперь я мог жениться на прекрасной Алопе, дочери Но-по-со. Она была стройной, хрупкой девушкой, но мы долгое

время были любовниками. Итак, как только совет предоставил мне эти привилегии, я отправился к ее отцу по поводу нашего брака. Возможно, наша любовь его не интересовала; возможно, он хотел оставить Алопе при себе, потому что она была послушной дочерью; во всяком случае, он попросил для нее много пони. Я ничего не ответил, но через несколько дней появился перед его вигвамом со стадом пони и взял с собой Алопе. Это была вся брачная церемония, необходимая в нашем племени.

Недалеко от вигвама моей матери я построил для нас новый дом. Вигвам был сделан из шкур буйволов, и в нем было много медвежьих шкур, львиных шкур и других охотничьих трофеев, а также мои копья, луки и стрелы. Алопе сделала много маленьких украшений из бисера [11] и нарисовала работы из оленьей кожи, которые она разместила в нашем типи. Она также нарисовала много картин на стенах нашего дома. Она была хорошей женой, но никогда не была сильной. Мы следовали традициям наших отцов и были счастливы. К нам пришли трое детей — детей, которые играли, слонялись без дела и работали так же, как я.

Принцесса апачей

Дочь найче, вождя апачей чирикауа

СНОСКИ:

[9] Мако был вождем апачей недни. Его сын (отец Джеронимо) женился на бедонкохе-апаче (матери Джеронимо) и присоединился к ее племени, тем самым потеряв свое право править по наследству. Из этого следует, что Джеронимо не мог стать вождем по наследственному праву, хотя его дед был вождем. Также показано, что отец Джеронимо не мог быть вождем, отсюда и присоединение Мангус-Колорадо.

[10] Апачи не оставят себе ничего из имущества умершего родственника. Их неписанные племенные законы запрещают это, потому что они думают, что в противном случае дети или другие родственники того, у кого было много имущества, могли бы радоваться смерти своего отца или родственников.

[11] Бусины были получены у мексиканцев. Апачи также получали деньги от мексиканцев, но считали их бесполезными и либо давали поиграть своим детям, либо выбрасывали.

ЧАСТЬ II

МЕКСИКАНЦЫ

ГЛАВА VI

КАС-КИ-ЙЕХ

Часть I —Резня

Летом 1858 года, находясь в мире с мексиканскими городами, а также со всеми соседними индейскими племенами, мы отправились на юг, в Старую Мексику, торговать. Все наше племя (бедонкохе апачи) шло через Сонору в направлении Каса-Гранде, нашей цели назначения, но непосредственно перед тем, как добраться до этого места, мы остановились в другом мексиканском городке, который индейцы называют "Кас-ки-йех". Здесь мы пробыли несколько дней, разбив лагерь недалеко от города. Каждый день мы отправлялись в город торговать, оставляя наш лагерь под охраной небольшой стражи, чтобы наше оружие, припасы, а также женщин и детей не беспокоили во время нашего отсутствия.

Однажды поздно вечером, когда мы возвращались из города, нас встретили несколько женщин и детей, которые рассказали нам, что мексиканские войска из какого-то другого города напали на наш лагерь, убили всех воинов гвардии, захватили всех наших пони, забрали наше оружие, уничтожили наши припасы и убили многих наших женщин и детей. Мы быстро разделились, прячась, как могли, до наступления темноты, когда собрались в условленном месте встречи —

зарослях у реки. Мы бесшумно прокрались внутрь один за другим; были расставлены часовые, и, когда все были пересчитаны, я обнаружил, что моя престарелая мать, моя молодая жена и трое моих маленьких детей были среди убитых. В лагере не было огней, поэтому, никем не замеченный, я молча отвернулся и встал у реки. Не знаю, как долго я там стоял, но когда я увидел, что воины собираются на совет, я занял свое место.

В ту ночь я не голосовал ни за, ни против каких-либо мер; но было решено, что, поскольку у нас осталось всего восемьдесят воинов, и поскольку мы были без оружия и припасов, и, кроме того, были окружены мексиканцами далеко на их собственной территории, мы не могли надеяться на успешное сражение. Поэтому наш шеф, Мангус-Колорадо, отдал приказ немедленно отправляться в полной тишине по домам в Аризоне, оставив мертвых на поле боя.

Я стоял, пока все не закончилось, едва ли зная, что буду делать — у меня не было оружия, и я почти не хотел сражаться, и я не думал о том, чтобы возвращать тела моих близких, потому что это было запрещено. Я не молился и не решался делать что-то конкретное, потому что у меня не осталось никакой цели. В конце концов я бесшумно последовал за племенем, держась на расстоянии слышимости мягкого шума ног удаляющихся апачей.

На следующее утро несколько индейцев убили небольшое количество дичи, и мы остановились достаточно надолго, чтобы племя могло приготовить еду, после чего марш возобновился. Я не убил ни одной дичи и ничего не ел. Во время первого марша, а также пока мы стояли лагерем в этом месте, я ни с кем не разговаривал, и никто не заговаривал со мной — сказать было нечего.

В течение двух дней и трех ночей мы совершали форсированные марши, останавливаясь только для приема пищи, затем разбили лагерь недалеко от мексиканской границы, где отдыхали два дня. Здесь я взял немного еды и поговорил с другими индейцами, которые погибли во время резни, но никто не проиграл так, как я, потому что я потерял всех.

Через несколько дней мы прибыли в наше собственное поселение. Там были украшения, сделанные Алопе, и игрушки наших малышей. Я сжег [12] их все, даже наш вигвам. Я также сжег вигвам моей матери и уничтожил все ее имущество.

Я больше никогда не был доволен в нашем тихом доме. Правда, я мог навестить могилу своего отца, но я поклялся отомстить мексиканским солдатам, которые причинили мне зло, и всякий раз, когда я приближался к его могиле или видел что-нибудь, напоминающее мне о былых счастливых днях, мое сердце болело от желания отомстить Мексике.

Джеронимо Нанне Озон Сумасшедшая Чихуахуа

Часть II—Месть

Как только мы снова собрали немного оружия и припасов, Мангус-Колорадо, наш вождь, созвал совет и обнаружил, что все наши воины готовы вступить на тропу войны против Мексики. Меня назначили просить помощи у других племен в этой войне.

Когда я отправился к чоконенам (чирикауа) Апачи, Кочиз, их вождь, созвал совет на рассвете. Воины молча собрались на открытом месте в горной лощине и заняли свои места на земле, расставленные рядами в соответствии со своими рангами. Они молча сидели и курили. По сигналу вождя я встал и изложил свою причину следующим образом:

"Родственник, ты слышал, что мексиканцы недавно натворили без причины. Вы мои родственники — дяди, кузены, братья. Мы такие же люди, как мексиканцы, — мы можем сделать с ними то же, что они сделали с нами. Давайте пойдем вперед и выследим их — я приведу вас в их город — мы нападём на них в их домах. Я буду сражаться в первых рядах — я только прошу вас следовать за мной, чтобы отомстить за зло, причиненное этими мексиканцами — вы придете? Это хорошо — вы все придете.

"Помните правило войны — мужчины могут вернуться, или их могут убить. Если кто-то из этих молодых людей погибнет, я не хочу, чтобы их родственники винили меня, потому что они сами решили уйти. Если меня убьют, никому не нужно будет оплакивать меня. Все мои люди были убиты в этой стране, и я тоже умру, если понадобится".

Я вернулся в свое поселение, доложил об этом успехе своему вождю и немедленно отправился на юг, в земли апачей недни. Их начальник, Вау, выслушал меня без комментариев, но он

немедленно отдал приказ о совете, и когда все были готовы, дал знак, что я могу говорить. Я обратился к ним так же, как обращался к племени чоконен, и они также пообещали помочь нам.

Летом 1859 года, почти через год после резни в Каские, эти три племени собрались на мексиканской границе, чтобы вступить на тропу войны. Их лица были раскрашены, боевые повязки [13] закреплены на бровях, длинные пряди волос на голове [14] готовы к руке и ножу воина, который сможет победить они. Их семьи были спрятаны в горах недалеко от мексиканской границы. С этими семьями была выставлена охрана и обозначен ряд мест встречи на случай, если лагерь потревожат.

Когда все были готовы, вожди отдали команду идти вперед. Никто из нас не был верхом, и каждый воин был в мокасинах, а также в тряпке, обернутой вокруг его чресел. Эту ткань можно было накинуть на него, когда он спал, а на марше она служила бы достаточной защитой в качестве одежды. В бою, если бой был тяжелым, нам не требовалось много одежды. У каждого воина был трехдневный рацион, но поскольку мы часто убивали дичь на марше, то редко оставались без еды.

Мы путешествовали тремя подразделениями: апачи бедонкохе во главе с Мангус-Колорадо, апачи Чоконен во главе с Кочизом и апачи недни во главе с Воу; однако внутри отдельных племен не было постоянного порядка. Обычно мы маршировали около четырнадцати часов в день, делая три остановки для приема пищи и преодолевая по сорок-сорок пять миль в день.

Я выступал в качестве гида в Мексике, и мы следовали вдоль русла рек и горных хребтов, потому что так мы могли лучше скрывать свои передвижения. Мы въехали в Сонору и двинулись на юг мимо Китако, Накозари и многих небольших поселений.

Найче, Его Мать, Две Его жены и Его Дети

Когда мы были почти у Ариспа, мы разбили лагерь, и восемь человек выехали верхом из города, чтобы вступить с нами в переговоры. Их мы захватили в плен, убили и сняли скальпы. Это

должно было отвлечь войска от города, и на следующий день они пришли. Перестрелка длилась весь день без генерального сражения, но только ночью мы захватили их обоз с припасами, так что у нас было много провизии и еще немного оружия.

В ту ночь мы выставили часовых и не стали переносить наш лагерь, а спокойно отдыхали всю ночь, так как на следующий день нас ожидала тяжелая работа. Рано утром следующего дня воины собрались, чтобы помолиться — не о помощи, а о том, чтобы у них было здоровье и они избежали засады или обмана со стороны врага.

Как мы и ожидали, около десяти часов утра выступили все мексиканские силы. Там было две роты кавалерии и две пехотные. Я узнал в кавалерии солдат, которые убили моих людей в Каскии. Я рассказал об этом вождям, и они сказали, что я могу руководить битвой.

Я не был вождем и никогда им не был, но поскольку со мной поступили более жестоко, чем с другими, эта честь была оказана мне, и я решил доказать, что достоин этого доверия. Я расположил индейцев полым кольцом у реки, а мексиканцы выстроили свою пехоту в две линии, оставив кавалерию в резерве. Мы были в лесу, и они продвинулись вперед примерно на четыреста ярдов, когда остановились и открыли огонь. Вскоре я повел их в атаку, одновременно отправив нескольких храбрецов атаковать их с тыла. Во время всей битвы я думал о своей убитой матери, жене и детях, о могиле моего отца и моей клятве отомстить, и я сражался с яростью. Многие пали от моей руки, и я постоянно вел наступление. Много храбрецов было убито. Битва длилась около двух часов.

В конце боя четверо индейцев остались одни в центре поля — я и трое других воинов. Все наши стрелы исчезли, наши копья обломились в телах мертвых врагов. У нас были только руки и ножи, чтобы сражаться, но все, кто противостоял нам, были мертвы. Затем двое вооруженных солдат напали на нас с другой стороны поля. Они застрелили двух наших людей, а мы, оставшиеся двое, побежали к своим воинам. Мой товарищ был сражен саблей, но я добежал до наших воинов, схватил копье и повернул. Тот, кто преследовал меня, промахнулся и упал от моего копья. Его саблей я встретил солдата, убившего моего товарища, мы сцепились и упали. Я убил его своим ножом и быстро встал над его телом, размахивая саблей, ища других солдат, которых можно было бы убить. Их не было. Но апачи видели. Над окровавленным полем, усеянным телами мексиканцев, пронесся свирепый боевой клич апачей.

Все еще покрытый кровью моих врагов, все еще держащий в руках свое победоносное оружие, все еще горящий радостью битвы, победы и мщения, я был окружен храбрецами-апачами и назначен военным вождем всех апачей. Затем я отдал приказ снять скальпы с убитых. [15]

Я не мог вернуть своих близких, я не мог вернуть мертвых апачей, но я мог радоваться этой мести. Апачи отомстили за резню в "Кас-ки-йех".

СНОСКИ:

[12] Согласно обычаю, он не должен был хранить имущество своих умерших родственников, но его не заставляли разрушать свой собственный вигвам или игрушки своих детей.

[13] Полоски оленьей кожи шириной около двух дюймов, закрепленные вокруг головы.

[14] В это время правительство Мексики предложило награду золотом за скальпы апачей — сто долларов за скальп воина, пятьдесят долларов за скальп скво и двадцать пять долларов за скальп ребенка.

[15] С того момента, как отдается приказ к войне с апачами, все приобретает религиозную окраску. Способы разбивки лагеря, приготовления пищи и т.д. Точно прописаны. Каждый предмет, имеющий отношение к войне, называется его священным именем; как если бы, например, в английском языке следовало говорить не лошадь, а боевой конь или боевое зарядное устройство; не стрела, а смертельный снаряд. Индейца называют не его обычным именем, а священным именем, к которому присоединяется "храбрый" или "вождь", в зависимости от обстоятельств. Индейское имя Джеронимо было Го хла йех, но мексиканцы в этой битве называли его Джеронимо, и с тех пор он носит это имя как среди индейцев, так и среди белых людей.

ГЛАВА VII

БОРЬБА В ТРУДНЫХ УСЛОВИЯХ

Все остальные апачи были довольны после битвы при Каские, но я все еще жаждал еще большей мести. В течение нескольких месяцев мы были заняты погоней и другими мирными занятиями. В конце концов мне удалось убедить двух других воинов, А-коч-не и Ко-де-не, отправиться со мной на вторжение в мексиканскую страну.

Мы оставили нашу семью с племенем и вышли на тропу войны. Мы шли пешком и несли трехдневный паек. Мы вошли в Мексику по северной границе Соноры и проследовали по горам Сьерра-де-Антунес к южной оконечности хребта. Здесь мы решили напасть на небольшую деревню. (Я не знаю названия этой деревни.) На рассвете мы приблизились со стороны гор. Снаружи были привязаны пять лошадей. Мы осторожно продвигались вперед, но как раз перед тем, как мы добрались до лошадей, мексиканцы открыли огонь из домов. Двое моих товарищей были убиты. Мексиканцы кишели со всех сторон; некоторые были верхом, некоторые пешие, и все, казалось, были вооружены. В тот день меня трижды окружали, но я продолжал сражаться, уворачивался и прятался. Несколько раз в течение дня, находясь в укрытии, у меня была возможность прицелиться в какого-нибудь мексиканца, который с пистолетом в руке искал меня. Не думаю, что я промахнулся ни в тот, ни в другой раз. С наступлением темноты у меня появилось больше времени, чтобы отступить в сторону Аризоны. Но мексиканцы не прекращали погони. На следующий день конные мексиканцы несколько раз пытались преградить мне путь; много раз они стреляли в меня, но у меня больше не было стрел; поэтому мне оставалось бежать и прятаться, хотя я очень устал. Я ничего не ел с тех пор, как началась погоня, и не осмеливался остановиться на отдых. На вторую ночь я оторвался от преследователей, но не сбавлял темпа, пока не добрался до нашего дома в Аризоне. Я пришел в наш лагерь без добычи, без своих товарищей, измученный, но не обескураженный.

О женах и детях двух моих погибших товарищей заботились их соплеменники. Некоторые из апачей винили меня в плохом результате экспедиции, но я ничего не сказал. Потерпев неудачу,

я должен был хранить молчание. Но мои чувства к мексиканцам не изменились — я по-прежнему ненавидел их и жаждал мести. Я никогда не переставал планировать их наказание, но было трудно заставить других воинов прислушаться к моим предложениям о рейдах.

Через несколько месяцев после этого последнего приключения я убедил двух других воинов присоединиться ко мне в набеге на мексиканскую границу. Во время нашего предыдущего рейда мы прошли через хребет апачей Недни в Сонору. На этот раз мы прошли через страну чоконен и вошли в горы Сьерра-Мадре. Мы отправились на юг, раздобыли побольше провизии и приготовились начать наши набеги. Мы выбрали деревню недалеко от гор, которую намеревались атаковать при свете дня. В ту ночь, когда мексиканские разведчики спали, они обнаружили наш лагерь и открыли по нам огонь, убив одного воина. Утром мы заметили отряд мексиканских войск, приближавшийся с юга. Они были верхом и везли припасы для долгого путешествия. Мы шли по их следу, пока не убедились, что они направляются к нашему пастбищу в Аризоне; затем мы поспешили мимо них и через три дня достигли нашего собственного поселения. Мы прибыли в полдень, и в тот же день, около трех часов, эти мексиканские войска атаковали наше поселение. Их первый залп убил трех маленьких мальчиков. Многие воины нашего племени были далеко от дома, но те немногие из нас, кто был в лагере, смогли выгнать войска из гор до наступления ночи. Мы убили восемь мексиканцев и потеряли пятерых — двух воинов и трех мальчиков. Мексиканцы, отступая, повернули прямо на юг. Четырём воинам было приказано следовать за ними, и через три дня эти трейлеры вернулись, сообщив, что мексиканская кавалерия покинула Аризону, направляясь на юг. Мы были совершенно уверены, что они вернутся не скоро.

Вскоре после этого (летом 1860 года) Я снова смог выйти на тропу войны против мексиканцев, на этот раз с двадцатью пятью воинами. Мы проследовали по следам мексиканских войск, упомянутых в прошлый раз, и вошли в горы Сьерра-де-Сахуарипа. На второй день в этих горах наши разведчики обнаружили конные мексиканские войска. В этом отряде была только одна кавалерийская рота, и я подумал, что, застигнув их врасплох, мы сможем нанести им поражение. Мы устроили засаду на тропе, по которой они должны были прийти. Это было в том месте, где вся рота должна была пройти через горное ущелье. Мы сдерживали огонь до тех пор, пока не пройдут все войска; затем был подан сигнал. Мексиканские солдаты, по-видимому, без единого слова команды, спешили, и, поставив своих лошадей снаружи роты, для бруствера, устроили нам хороший бой. Я увидел, что мы не сможем выбить их, не израсходовав все наши боеприпасы, поэтому я возглавил атаку. Воины внезапно напали со всех сторон, и мы сцепились врукопашную. Во время этой схватки я поднял свое копье, чтобы убить мексиканского солдата как раз в тот момент, когда он направил на меня свое ружье; я быстро приближался, и моя нога поскользнулась в луже крови, я упал под мексиканским солдатом. Он ударил меня прикладом ружья по голове, лишив чувств. Как раз в этот момент воин, следовавший по моим стопам, убил мексиканца копьем. Через несколько минут в живых не осталось ни одного мексиканского солдата. Когда боевой клич апачей затих, а с их врагов были сняты скальпы, они начали заботиться о своих мертвых и раненых. Меня нашли лежащим без сознания там, где я упал. Они обмыли мою голову холодной водой и привели меня в сознание. Затем они перевязали мою рану, и на следующее утро, несмотря на слабость от потери крови и сильную головную боль, я смог отправиться обратно в Аризону. Я не мог полностью восстановиться в течение нескольких месяцев, и я до сих пор ношу шрам, полученный от того мушкетера. В этом бою мы проиграли так тяжело, что в нашей победе действительно не было никакой славы, и мы вернулись в Аризону. В том году, похоже, никто не хотел снова выходить на тропу войны.

Летом (1861 г.) с двенадцатью воинами я снова отправился в Мексику. Мы въехали в Чиуауа и проследовали на юг по восточной стороне гор Сьерра-Мадре, проделав четырехдневный путь; затем пересекли хребет Сьерра-де-Сахуарипа, недалеко к востоку от Каса-Гранде. Здесь мы отдохнули один день и послали разведчиков на разведку. Они сообщили, что вьючные обозы разбили лагерь в пяти милях к западу от нас. На следующее утро, как раз на рассвете, когда эти погонщики трогались в путь со своим караваном вьючных мулов, мы напали на них. Они усакали, спасая свои жизни, оставив нам добычу. Мулы были нагружены провизией, большую часть которой мы забрали домой. Два мула были нагружены гарниром или беконом; [17] это мы выбросили. Мы начали садиться на эти вьючные поезда домой, направляясь на север через Сонору, но когда мы были недалеко от Каситы, мексиканские войска настигли нас. Это было на рассвете, и мы как раз заканчивали завтракать. Мы понятия не имели, что нас преследовали или что наши враги были рядом, пока они не открыли огонь. При первом залпе пуля попала мне в нижний уголок левого глаза, и я потерял сознание. Все остальные индейцы бросились в укрытие. Мексиканцы, решив, что я мертв, бросились в погоню за убегающими индейцами. Через несколько мгновений я пришел в сознание и на полной скорости направился к лесу, когда подошедшая другая рота открыла по мне огонь. Затем солдаты, которые преследовали других индейцев, повернули, и я оказался между двумя враждебными отрядами, но стоял я недолго. Пули свистели во всех направлениях и с близкого расстояния от меня. Одна нанесла мне легкое ранение в бок, но я продолжал бежать, уворачиваться и сражаться, пока не оторвался от преследователей. Я взобрался на крутой каньон, куда кавалерия не могла последовать за мной. Солдаты увидели меня, но не спешили и не попытались последовать за мной. Я думаю, они поступили мудро, не вмешиваясь.

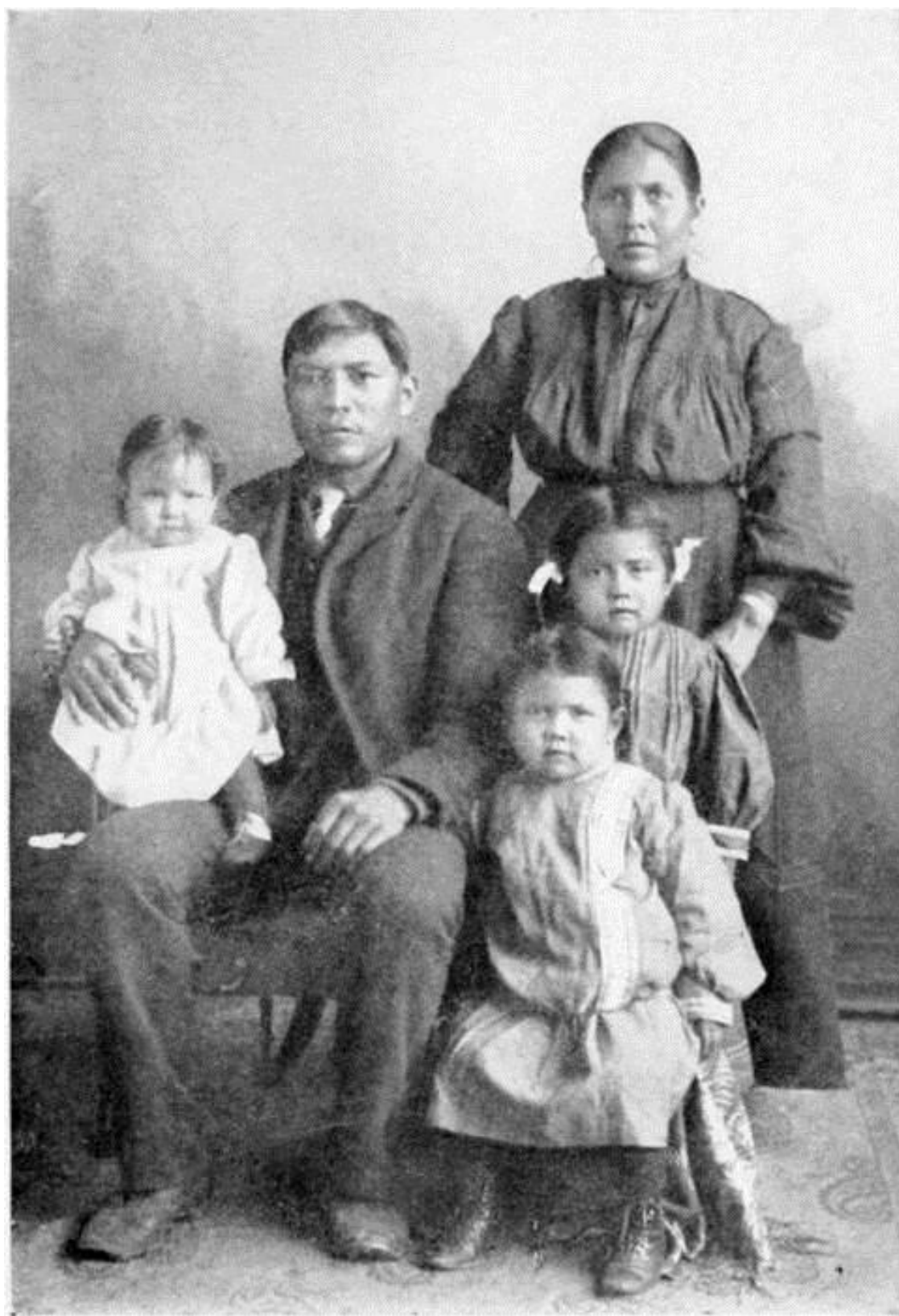
Было решено, что в случае неожиданности с этой добычей нашим местом встречи должны стать горы Санта-Бита в Аризоне. Мы не собирались в Мексике, а путешествовали порознь и через три дня разбили лагерь в месте нашей встречи. Оттуда мы вернулись домой с пустыми руками. У нас не было даже частичной победы, о которой можно было бы сообщить. Я снова вернулся раненым, но я еще не был обескуражен. Наши люди снова обвинили меня, и снова у меня не было ответа.

После нашего возвращения многие воины отправились на охоту, а некоторые из них отправились на север, чтобы обменять одеяла у индейцев навахо. Я остался дома, пытаюсь залечить свои раны. Однажды утром, на рассвете, когда скво разжигали костры, чтобы приготовить завтрак, три роты мексиканских солдат, окруживших наше поселение ночью, открыли огонь. Времени на драку не было. Мужчины, женщины и дети бежали, спасая свои жизни. Многие женщины и дети и несколько воинов были убиты, а четыре женщины взяты в плен. Мой левый глаз все еще был заплывшим, но другим я видел достаточно хорошо, чтобы поразить стрелой одного из офицеров, а затем благополучно скрыться среди скал. Солдаты сожгли наши вигвамы и забрали наше оружие, провизию, пони и одеяла. Приближалась зима.

В это время в лагере находилось не более двадцати воинов, и лишь немногие из нас захватили оружие во время ажиотажа атаки. Несколько воинов последовали по следу войск, когда те возвращались в Мексику со своей добычей, но не смогли принять бой. Прошло много-много времени, прежде чем мы снова смогли выйти на тропу войны против мексиканцев.

Четыре женщины, захваченные в это время мексиканцами, были доставлены в Сонору, Мексика, где их заставили работать на мексиканцев. Через несколько лет они сбежали в горы и

начали искать наше племя. У них были ножи, которые они украли у мексиканцев, но другого оружия у них не было. У них не было одеял, поэтому ночью они устраивали небольшое вигвам, срезая ножами хворост и устанавливая его вдоль стен. Сверху покрывали хворост. В этом временном вигваме они все будут спать. Однажды ночью, когда костер в их лагере догорел, они услышали рычание прямо за вигвамом. Франсиско, самая молодая женщина из группы (около семнадцати лет), начала разводить костер, когда горный лев ворвался в вигвам и напал на нее. Внезапность нападения заставила ее выронить нож, но она отбивалась, как могла, рукой. Однако она не могла противостоять льву; ее левое плечо было раздроблено и частично оторвано. Лев продолжал пытаться схватить ее за горло, но она долго препятствовала этому руками. Он протащил ее около 300 ярдов, затем она обнаружила, что силы покидают ее из-за потери крови, и позвала на помощь других женщин. Лев тащил ее за одну ногу, а она хваталась за его ноги, за камни и подлесок, чтобы задержать его. Наконец он остановился и встал над ней. Она снова позвала своих спутников, и они напали на него с ножами и убили. Затем они перевязали ее раны и ухаживали за ней в горах около месяца. Когда она снова смогла ходить, они возобновили свой путь и благополучно добрались до нашего племени.

Аса Деклуджи, Жена и дети

Эта женщина (Франсиско) находилась в качестве военнопленной вместе с другими апачами и умерла в резервации Форт-Силл в 1892 году. Ее лицо всегда было обезображено этими шрамами, и она так и не научилась в совершенстве владеть руками. Три пожилые женщины умерли до того, как мы попали в плен.

Многие женщины и дети в разное время были увезены мексиканцами. Немногие из них вернулись, а те, кто все-таки вернулся, претерпели много лишений, чтобы снова воссоединиться со своим народом. Те, кто не сбежал, были рабами мексиканцев или, возможно, еще более деградировали.

Когда воины попадали в плен к мексиканцам, их держали в цепях. Четырех воинов, попавших однажды в плен в местечке к северу от Каса-Гранде, называемом индейцами "Хонас", полтора года держали в цепях, после чего их обменяли на мексиканцев, которых мы взяли в плен.

Мы никогда не заковывали пленников в цепи и не держали их взаперти, но они редко сбежали. Мексиканских мужчин, попавших в плен, заставляли рубить дрова и пасти лошадей. Мексиканские женщины и дети [18] к нам относились как к своим.

СНОСКИ:

[16] Джеронимо женился снова.

[17] Они никогда не ели бекон и долгое время не учились это делать. Даже сейчас они не будут есть бекон или свинину, если смогут достать другое мясо. Джеронимо категорически отказывается есть бекон или свинину.

[18] Переводчик Аса, сын Воу, помнит маленькую плененную мексиканскую девочку, которая раньше играла с детьми апачей, но в конце концов была обменена.

В это время одна из жен Джеронимо и ее ребенок были убиты, и с тех пор, пока он не попал в плен, у него было две жены. У него могло быть столько жен, сколько он хотел, но он говорит, что был так занят борьбой с мексиканцами, что не мог содержать больше двух.

ГЛАВА VIII

УСПЕШНЫЕ РЕЙДЫ

Летом 1862 года я взял с собой восемь человек и вторгся на территорию Мексики. Мы шли на юг по западной стороне гор Сьерра-Мадре в течение пяти дней; затем ночью пересекли южную часть хребта Сьерра-де-Сахуарипа. Здесь мы снова разбили лагерь, чтобы высмотреть вьючные обозы. Около десяти часов следующего утра мимо нашего лагеря проехали верхом четыре погонщика с караваном вьючных мулов. Как только они увидели нас, они ускакали, спасая свои жизни, оставив нам добычу. Это был длинный обоз, набитый одеялами, ситцем, седлами, оловянной посудой и сахарной пудрой. Мы поспешили домой так быстро, как только могли, с этими припасами, и на обратном пути, проезжая через каньон в горном массиве Санта-Катилина в Аризоне, встретили белого человека, запряженного вьючными мулами. Когда мы

впервые увидели его, он уже заметил нас и во весь опор скакал вверх по каньону. Мы осмотрели его обоз и обнаружили, что все его мулы были нагружены сыром. Мы посадили их в другой поезд и продолжили наше путешествие. Мы не пытались преследовать машиниста, и я уверен, что он не пытался преследовать нас.

Через два дня мы прибыли домой. Тогда Мангус-Колорадо, наш вождь, собрал племя. Мы устроили пир, разделили добычу и танцевали всю ночь. Несколько вьючных мулов были убиты и съедены.

На этот раз после нашего возвращения мы послали разведчиков, чтобы знать, не попытаются ли мексиканские войска последовать за нами.

На третий день наши разведчики пришли в лагерь и доложили, что мексиканская кавалерия спешила и приближается к нашему поселению. Все наши воины были в лагере. Мангус-Колорадо принял командование одной дивизией, а я - другой. Мы надеялись завладеть их лошадьми, затем окружить войска в горах и уничтожить всю роту. Этого мы не могли сделать, потому что у них тоже были разведчики. Однако в течение четырех часов после того, как мы выступили, мы убили десять солдат при потере всего одного человека, и мексиканская кавалерия была в полном отступлении, сопровождаемая тридцатью вооруженными апачами, которые не давали им покоя, пока они не оказались далеко в глубь мексиканской страны. Той зимой войска больше не приходили.

СКАУТЫ "АПАЧИ"

*Нэтчи Гуди Джон Локо Порико Джейсен
капитан . Сейерс
Хью Сэм Келберн Asa Deklugie*

Долгое время у нас было вдоволь провизии, одеял и одежды. У нас также было вдоволь сыра и сахара.

Другим летом (1863 г.) я отобрал трех воинов и отправился в набег на Мексику. Мы отправились на юг, в Сонору, разбили лагерь в горах Сьерра-де-Сахуарипа. Примерно в сорока милях к западу от Каса-Гранде в горах находится небольшая деревня, которую индейцы называют "Крассана". Мы разбили лагерь недалеко от этого места и решили предпринять атаку. Мы заметили, что как раз в полдень никто, казалось, не шевелился; поэтому мы планировали совершить атаку в полдень. На следующий день мы пробрались в город в полдень. У нас не было ружей, но мы были вооружены копьями, луками и стрелами. Когда прозвучал боевой клич к началу атаки, мексиканцы разбежались во все стороны; ни один из них не предпринял никакой попытки вступить с нами в бой.

Мы выпустили несколько стрел в отступающих мексиканцев, но убили только одного. Вскоре в городе воцарилась тишина, и мексиканцев не было видно.

Когда мы обнаружили, что все мексиканцы уехали, мы осмотрели их дома и увидели много любопытных вещей. У этих мексиканцев было гораздо больше собственности, чем у апачей. Многие из того, что мы видели в домах, мы не могли понять, но в магазинах мы увидели многое из того, что хотели; поэтому мы пригнали табун лошадей и мулов и навьючили на них столько провизии, сколько смогли. Затем мы сформировали из этих животных вьючный обоз и благополучно вернулись в Аризону. Мексиканцы даже не выследили нас.

Когда мы прибыли в лагерь, мы созвали все племя и пировали весь день. Мы раздали подарки всем. В тот же вечер начались танцы, которые не прекращались до полудня следующего дня.

Это был, пожалуй, самый успешный рейд, когда-либо совершенный нами на мексиканскую территорию. Я не знаю ценности добычи, но она была очень велика, потому что у нас было достаточно припасов, чтобы продержаться всему нашему племени год или больше.

Осенью 1864 года двадцать воинов изъявили желание отправиться со мной в очередной рейд в Мексику. Все это были отборные люди, хорошо вооруженные и экипированные для битвы. Как обычно, мы позаботились о безопасности наших семей, прежде чем отправиться в этот рейд. Все наше племя рассеялось, а затем вновь собралось в лагере примерно в сорока милях от прежнего места. Таким образом, мексиканцам было бы трудно выследить их, и мы знали бы, где найти наши семьи, когда вернемся. Более того, если какие-нибудь враждебно настроенные индейцы увидят такое большое количество воинов, покидающих наши пределы, они могут напасть на наш лагерь, но если они никого не найдут на обычном месте, их набег провалится.

Мы отправились на юг через хребет апачей Чоконен, вошли в Сонору, Мексика, в точке прямо к югу от Томбстоуна, Аризона, и спрятались в горах Сьерра-де-Антунес.

Мы атаковали несколько поселений по соседству и захватили много провизии. Примерно через три дня мы атаковали и захватили караван вьючных мулов в местечке, называемом индейцами "Понтоко". Он расположен в горах на западе, примерно в одном дне пути [19] из Ариспе.

В этом поезде было три машиниста. Один был убит, а двое сбежали. Поезд был загружен мескалем, [20] который содержался в бутылках, помещенных в плетеные корзины. Как только мы разбили лагерь, индейцы начали напиваться и драться друг с другом. Я тоже выпил достаточно мескаля, чтобы почувствовать его действие, но я не был пьян. Я приказал прекратить драку, но приказ был нарушен. Вскоре началась почти всеобщая драка. Я попытался выставить охрану вокруг нашего лагеря, но все были пьяны и отказались служить. Я ожидал нападения

мексиканских войск в любой момент, и на самом деле это было серьезным делом для меня, поскольку, будучи командующим, я был быответственен за любое невезение во время экспедиции. Наконец в лагере стало сравнительно тихо, потому что индейцы были слишком пьяны, чтобы ходить или даже драться. Пока они были в таком оцепенении, я вылил весь мескаль, затем потушил все костры и отогнал вьючных мулов на значительное расстояние от лагеря. После этого я вернулся в лагерь, чтобы попытаться что-нибудь сделать для раненых. Я обнаружил, что только двое были опасно ранены. Из ноги одного из них я вырезал наконечник стрелы, а из плеча другого извлек наконечник копья. Когда все раны были обработаны, я сам оставался на страже до утра. На следующий день мы погрузили наших раненых на вьючных мулов и отправились в Аризону.

На следующий день мы отобрали коров из стада и пригнали их домой. Но вести скот пешком было очень трудно. Забота о раненых и предотвращение побега скота сделали наше путешествие утомительным. Но за нами не было слежки, и мы благополучно добрались домой со всей добычей.

Затем мы устроили пир и танцы и разделили добычу. После танцев мы зарезали весь скот и высушили мясо. Мы выделявали шкуры, а затем вяленое мясо укладывали между шкурами и хранили. Всю ту зиму у нас было вдоволь мяса. Это был первый скот, который у нас когда-либо был. Как обычно, мы убили и съели несколько мулов. Мулы нам были мало нужны, и, если мы не могли обменять их на что-нибудь ценное, мы убивали их.

Летом 1865 года я с четырьмя воинами снова отправился в Мексику. До сих пор мы ходили пешком; мы привыкли сражаться пешими; кроме того, нам было легче спрятаться, когда мы спешили. Но на этот раз нам нужно было больше скота, а вести его пешком было трудно. Мы въехали в Сонору в точке к юго-западу от Томбстоуна, штат Аризона, и проследовали по горам Сьерра-де-Антунес до южной границы, затем пересекли страну на юг до устья реки Яки. Здесь мы увидели большое озеро [21], простирающееся за пределы видимости. Затем мы повернули на север, напали на несколько поселений и захватили много припасов. Вернувшись на северо-запад от Ариспе, мы захватили около шестидесяти голов крупного рогатого скота и перегнали их в наши дома в Аризоне. Мы не пошли сразу домой, а разбили лагерь в разных долинах со своим скотом. За нами не было слежки. Когда мы прибыли в наш лагерь, племя снова собралось для пира и танцев. Всем были розданы подарки; затем скот был зарезан, а мясо высушено и упаковано.

СНОСКИ:

[19] Сорок пять миль.

[20] Мескаль - жгучий ликер, производимый в Мексике из нескольких видов агавы.

[21] Калифорнийский залив.

ГЛАВА IX

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Осенью 1865 года с девятью другими воинами я отправился в Мексику пешком. Мы напали на несколько поселений к югу от Каса-Гранде и захватили много лошадей и мулов. С этими животными мы пробирались на север через горы. Однажды вечером, когда мы разбили лагерь недалеко от Ариспе и, думая, что за нами нет слежки, отпустили все стадо, даже тех, на которых ехали верхом. Они находились в долине, окруженной крутыми горами, и мы разбили лагерь в устье этой долины, чтобы животные не могли уйти, не пройдя через наш лагерь. Как раз в тот момент, когда мы приступили к ужину, вошли наши разведчики и сообщили, что мексиканские войска приближаются к нашему лагерю. Мы направились к лошадям, но войска, которых наши разведчики не видели, были на скалах над нами и открыли огонь. Мы рассеялись во всех направлениях, и войска вернули всю нашу добычу. Через три дня мы снова собрались в назначенном месте встречи в горах Сьерра-Мадре на севере Соноры. Мексиканские войска не последовали за нами, и мы вернулись в Аризону без дальнейших сражений и без добычи. И снова мне нечего было сказать, но я с нетерпением ждал нового рейда.

В начале следующего лета (1866 г.) я взял с собой тридцать конных воинов и вторгся на территорию Мексики. Мы отправились на юг через Чиуауа до Санта-Крус, штат Сонора, затем пересекли горы Сьерра-Мадре, следуя руслу реки на южной оконечности хребта. Мы продолжали двигаться на запад от гор Сьерра-Мадре до гор Сьерра-де-Сахурипа и следовали по этому хребту на север. Мы собрали всех лошадей, мулов и крупный рогатый скот, каких только хотели, и погнали их на север через Сонору в Аризону. Мексиканцы видели нас много раз и во многих местах, но они ни разу не напали на нас, и никакие войска не пытались преследовать нас. Вернувшись домой, мы раздали всем подарки, и племя пировало и танцевало. Во время этого набега мы убили около пятидесяти мексиканцев.

ТРИ ВОЖДЯ АПАЧЕЙ

Найче, сын Коче; Эйса, сын Воу; Чарли, сын Виктории

В следующем году (1867) Мангус-Колорадо повел восемь воинов в набег на Мексику. Я отправился туда как воин, потому что всегда был рад сражаться с мексиканцами. Мы ехали на юг из близ Томбстоуна, штат Аризона, в Сонору, Мексика. Мы напали на нескольких ковбоев, и после драки с ними, в которой двое из них были убиты, мы погнали весь их скот на север. На второй день мы гнали скот, но разведчиков не было. Когда мы были недалеко от Ариспе, на нас наскочили мексиканские войска. Они были хорошо вооружены и на хороших лошадях, и когда мы впервые увидели их, они были менее чем в полумиле от нас. Мы оставили скот и изо всех сил поскакали к горам, но они быстро нагнали нас. Вскоре они открыли огонь, но были так далеко от нас, что мы не могли достать их своими стрелами; наконец мы добрались до какого-то леса и, оставив наших пони, сражались из укрытия. Затем мексиканцы остановились, забрали наших пони и усаkali через равнины в сторону Ариспе, уводя с собой скот. Мы стояли и смотрели им вслед, пока они не скрылись вдаль, а затем продолжили наш марш домой.

Мы прибыли домой через пять дней, не имея ни победы, о которой можно было бы сообщить, ни добычи, которую можно было бы разделить, и даже пони, на которых мы приехали в Мексику. Эта экспедиция была признана позорной.

Воины, которые были с Мангус-Колорадо в этой последней экспедиции, хотели вернуться в Мексику. Они не были удовлетворены, кроме того, они остро ощущали насмешки других воинов. Мангус-Колорадо не захотел вести их обратно, поэтому я принял командование, и мы отправились пешком прямо в Ариспе в Соноре и разбили наш лагерь в горах Сьерра-де-Сахурипа. Нас было всего шестеро, но мы совершили набег на несколько поселений (ночью), захватили много лошадей и мулов и нагрузили их провизией, седлами и одеялами. Затем мы вернулись в Аризону, путешествуя только ночью. Когда мы прибыли в наш лагерь, мы разослали разведчиков, чтобы мексиканцы не застали нас врасплох, собрали племя, пировали, танцевали и разделили добычу. Мангус-Колорадо не получил бы ничего из этой добычи, но нам было все равно. Мексиканские войска не последовали за нами в Аризону.

Примерно через год после этого (1868) мексиканские войска согнали всех лошадей и мулов племени недалеко от нашего поселения. В том году в Мексику не совершалось никаких набегов, и мы не ожидали никаких нападений. Мы все были в лагере, только что вернувшись с охоты.

Около двух часов дня недалеко от нашего поселения были замечены два мексиканских разведчика. Мы убили этих разведчиков, но войска тронулись в путь с табуном наших лошадей и мулов прежде, чем мы их увидели. Пытаться догнать их пешком было бесполезно, а у нашего племени не осталось ни одной лошади. Я взял двадцать воинов и последовал за ними. Мы нашли скот на скотоводческом ранчо в Соноре, недалеко от Накозари, и напали на ковбоев, которые им руководили. Мы убили двух человек и никого не потеряли. После боя мы увезли наш собственный скот и все их имущество.

За нами следовали девять ковбоев. Я отправил скот вперед, а сам с тремя воинами остался в тылу, чтобы перехватить любые атакующие группы. Однажды ночью, находясь недалеко от границы с Аризоной, мы обнаружили этих ковбоев на нашем пути и наблюдали, как они разбили лагерь на ночь и привязали своих лошадей. Около полуночи мы прокрались в их лагерь и тихо увели всех их лошадей, оставив ковбоев спящими. Затем мы пустились во весь опор и обогнали

наших спутников, которые всегда путешествовали ночью, а не днем. Мы повернули этих лошадей к табуну и отступили, чтобы снова перехватить любого, кто мог выследить нас. Что делали эти девять ковбоев на следующее утро, я не знаю, и я никогда не слышал, чтобы мексиканцы что-нибудь говорили по этому поводу; я знаю, что они не преследовали нас, потому что к нам не приставали. Когда мы прибыли в лагерь у себя дома, в племени царило большое ликование. Считалось хорошей уловкой забрать лошадей мексиканцев и оставить их спящими в горах.

Прошло много времени, прежде чем мы снова отправились в Мексику или были потревожены мексиканцами.

ГЛАВА X

ДРУГИЕ РЕЙДЫ

При чтении предыдущих глав "Набегов апачей" тот, кто не знаком с беззаконием на границе, может задаться вопросом, как эта тенденция апачей развилась до такой заметной степени; но тот, кто знаком с реальными условиями — пренебрежением к закону как мексиканцами, так и белыми людьми вдоль границы Старой Мексики и Аризоны в первые дни, — может легко понять, где апачи получили образование в искусстве проведения незаконных набегов. Поэтому для того, чтобы те, кто не знаком с условиями, в которых они были в южной Аризоне в восьмидесятые годы, могли понять среду обитания апачей, приводится эта глава. События, о которых здесь рассказывается, взяты автором из многих рассказов, предоставленных ему надежными людьми, жившими в этой части страны в упомянутый период.

Лагерь апачей

Набег белых людей

В 1882 году компания из шести мексиканских торговцев, которые были известны как "контрабандисты", потому что они уклонялись от уплаты пошлин на товары, которые ввозили в Соединенные Штаты и продавали в Аризоне, разбила лагерь в Скелетон-Каньон, в десяти милях к северу от северной границы Старой Мексики. Было известно, что у них при себе были большие суммы денег, но поскольку они всегда были вооружены и готовы защищать свое имущество, к ним не часто приставали. Однако в этот раз, как раз когда они поднимались утром, чтобы приготовить себе завтрак, пятеро белых мужчин открыли по ним огонь из засады, и все, кроме одного мексиканца, были убиты. Этот, хотя и был ранен, в конце концов сбежал. Через несколько дней после убийства несколько ковбоев во время облавы разбила лагерь на этом месте и похоронила останки (то, что оставили койоты) этих пятерых мексиканцев. Два года спустя на том же месте ковбой нашел кожаную сумку с семьюдесятью двумя мексиканскими долларами, эту небольшую сумму грабители не заметили.

Люди, совершившие это убийство, жили в Аризоне много лет спустя, и хотя было известно, что они совершили грабеж, арестов не последовало, и никто из мексиканцев не предпринимал попыток вернуть имущество своих сограждан.

Мексиканский рейд

В 1884 году скотовод и четверо ковбоев со своего ранчо начали перегонять откормленный скот на рынок в Томбстоун, штат Аризона. Маршрут, по которому они шли, пролегал частично через Старую Мексику, а частично - через Аризону. Однажды ночью они разбила лагерь в каньоне к югу от мексиканской границы. На следующее утро, при свете дня, ковбой, дежуривший в стаде последнюю половину ночи, только что вернулся и поднял лагерь на ноги, когда мексиканцы открыли по ним огонь из засады. Скотовод и один из ковбоев были тяжело ранены при первом же залпе и укрылись за походным фургоном, с этой позиции они вели огонь до тех пор, пока хватало боеприпасов. Трое других были лишь слегка ранены и добрались до укрытия, но только одному удалось спастись. Он скрывался два дня, прежде чем его нашли товарищи. Он видел, как мексиканцы грабили тела убитых и уводили их оседланных лошадей, предварительно приготовив себе завтрак в опустевшем лагере. Он был тяжело ранен, и все его боеприпасы закончились, поэтому ему оставалось только ждать.

На второй день после этого налета часть скота отбилась обратно на старое ранчо, тем самым уведомив ковбоев о том, что имело место нечестная игра. Они нашли своих раненых товарищей лежащими в бреду рядом с разлагающимися телами своих товарищей. В Мексике за эти убийства так и не было произведено никаких арестов, и не было предпринято никаких попыток возместить ущерб или привлечь грабителей к ответственности. Два приведенных выше примера покажут читателю, какой пример был подан апачам по крайней мере частью жителей двух христианских народов, с которыми они соприкасались.

Набеги апачей

Считается целесообразным привести в этой главе некоторые из набегов апачей, не рассказанные Джеронимо. Они даны так, как рассказывают наши собственные граждане, и с точки зрения белого человека.

В 1884 году судья Маккормик с женой и маленьким сыном ехали из Силвер-Сити в Лордсбург, когда попали в засаду, устроенную апачами. Тела взрослых были найдены вскоре после этого, но тело ребенка так и не было найдено. Годы спустя индианка-апач рассказала некоторым поселенцам в Аризоне, что маленький мальчик (около восьми лет) так много плакал и был таким упрямым, что им пришлось убить его, хотя их первоначальным намерением было сохранить ему жизнь.

В 1882 году человек по имени Хант был ранен в ссоре в салуне в Томбстоуне, штат Аризона. Во время этой ссоры были убиты еще двое мужчин, и, чтобы избежать ареста, Хант и его брат отправились в горы и разбили лагерь примерно в десяти милях к северу от Уиллоу-Спрингс, чтобы дождаться заживления его ран. Через несколько дней после того, как они прибыли туда, индейцы-апачи напали на них и убили раненого брата, но другому, благодаря быстрой езде, удалось спастись бегством.

В 1883 году двое парней с Востока отправились в Аризону на разведку. Их настоящая прогулка началась в Уиллоу Спрингс, где они провели два дня с ковбоями. Эти ковбои предупреждали их об апачах, но молодые люди казались совершенно бесстрашными и продолжали продвигаться в горы. На второе утро после того, как они покинули поселение, один из мальчиков готовил завтрак, в то время как другой пошел привести вьючных лошадей, которых накануне вечером стреножили и отпустили пастись. Как раз в то время, когда он нашел своих лошадей, из укрытия навстречу ему выехали два воина-апача, и он поспешно отступил в лагерь, спрыгнув с утеса и при этом сломав ногу.

Затем между двумя выходцами с Востока было проведено совещание, и было решено, что, возможно, все истории, которые им рассказывали о набегах апачей, были правдой, и что было бы разумно сдаться. Соответственно, к концу шеста был привязан белый носовой платок и осторожно поднят над вершиной утеса. Примерно через десять минут два индейца — один очень старый воин, а другой совсем мальчик, очевидно, его сын, — въехали в лагерь и спешили. Старый воин осмотрел сломанную конечность, затем, не говоря ни слова, принялся снимать с невредимого юноши рубашку, полосками которой он тщательно перевязал сломанную ногу. После этого оба индейца съели приготовленный завтрак и снова сели на своих пони. Затем старый воин, указав большим пальцем направление, сказал "Доктор—Лордсбург— три дня" и молча уехал. Молодые люди проехали двадцать пять миль до Сансимоне, где ковбои снабдили их фургоном, чтобы продолжить путешествие в Лордсбург, расположенный в семидесяти пяти милях дальше, где можно было заручиться услугами врача.

В 1883 году двое старателей, Альбертс и Риз по имени, вели упряжку, состоящую из лошади и мула, по дну Индюшачьего ручья, когда их застрелили индейцы. Повозка и упряжь были брошены на дороге, а мула нашли мертвым на дороге в двухстах ярдах от того места. Очевидно, индейцам он был не очень нужен. Ружья старателей были найдены позже, но лошадь, на которой они ехали, так и не была найдена.

Ни в одном из вышеперечисленных случаев тела жертв не были изуродованы. Тем не менее, есть много зарегистрированных случаев, когда индейцы апачи действительно калечили тела своих жертв, но Джеронимо утверждает, что это были индейцы, объявленные вне закона, поскольку его обычным воинам было приказано не снимать скальпы ни с кого, кроме убитых в бою, и никого не пытаться, кроме как заставить их раскрыть желаемую информацию.

В 1884 году два ковбоя, работавшие в скотоводческой компании "Сансимоне", разбили лагерь в Уиллоу-Спрингс, в восемнадцати милях к юго-западу от Скелетон-Каньон, недалеко от Старой Мексики. Как раз на закате их лагерь был окружен апачами в боевой раскраске, которые заявили, что воевали с мексиканцами и хотели бы вернуться в Соединенные Штаты. Во всем племени было около семидесяти пяти индейцев, скво и дети появились позже. С ними было около ста пятидесяти мексиканских лошадей. Индейцы захватили лагерь и оставались там около десяти дней, добывая свои запасы мяса, убивая скот компании.

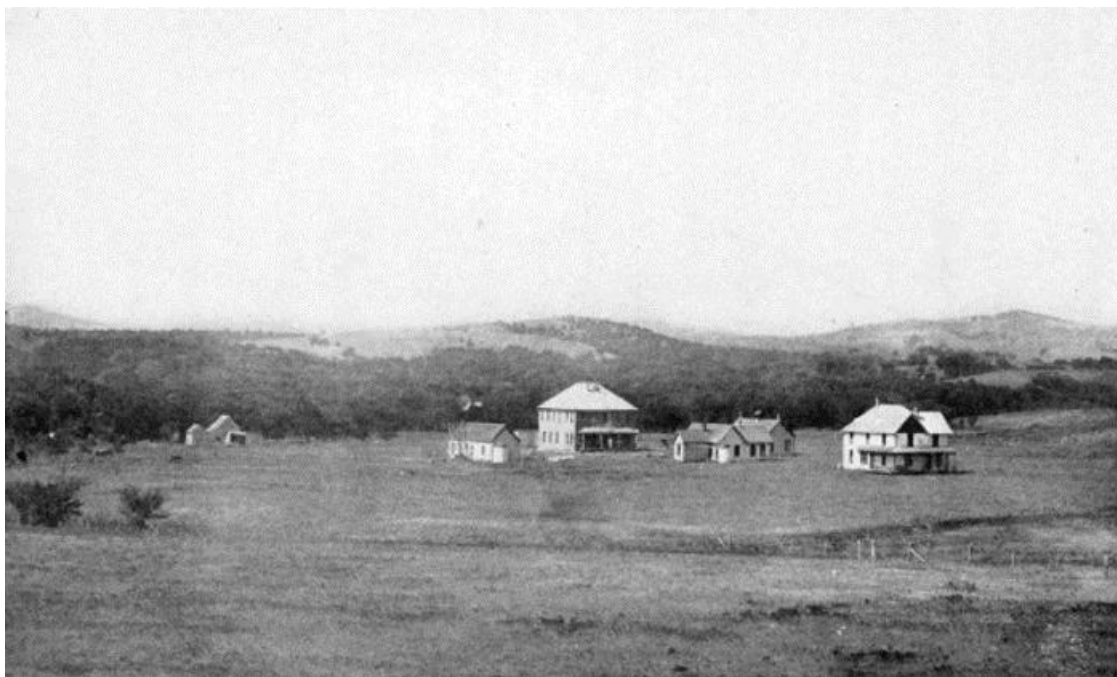
С этой группой индейцев был белый мальчик лет четырнадцати, который, очевидно, был с ними с младенчества, потому что он ни слова не говорил по-английски и не очень понимал по-испански, но охотно говорил на языке апачей.

Они разрешали покидать лагерь только одному из ковбоев за раз, держа другого под охраной. На всех холмах и вершинах, окружающих лагерь, были расставлены часовые с подозрными трубами.

Однажды вечером, когда одному из ковбоев, Уильяму Берну, разрешили покинуть лагерь, он заметил спешившегося индейца и, приблизившись, обнаружил, что индеец держит его на прицеле своей винтовки. Он немедленно спешился и, встав с противоположной стороны от краснокожего, перекинул свой винчестер через шею лошади, когда индеец вскочил на коня и поскакал к нему во весь рост, делая ему знаки не стрелять, а когда он приблизился к нему, спешился и, указывая на землю, показал Берну множество свежих оленьих следов. Затем, когда взаимопонимание было достигнуто, ковбой снова сел в седло и продолжил свой путь, оставив апача охотиться на оленя.

Однажды, когда этот ковбой был примерно в десяти милях от лагеря, он нашел двух великолепных лошадей индейцев. Эти лошади отбились от табуна. Думая, что они в некотором роде компенсируют скот, который ели апачи, он отогнал их примерно на пять миль в каньон, где было много травы и воды, и оставил их там, намереваясь вернуться после ухода индейцев и завладеть ими.

На десятый день после прибытия этого отряда индейцев войска Соединенных Штатов в сопровождении двух индейцев, посланных для проведения подготовительных работ, прибыли в лагерь, заплатили за скот, который съели апачи, забрали индейцев и их скот и двинулись дальше к форту Боуи. Ковбои немедленно направились к каньону, где были оставлены две лошади, но не успели отойти далеко, как встретили двух индейцев, гнавших этих лошадей перед собой, когда они пытались обогнать племя.

Миссия апачей

Долина Медисин-Крик, Военная резервация Форт-Силл

Очевидно, в тот раз проницательность бледнолицего не перехитрила краснокожего.

Джеронимо говорит, что он никоим образом не был связан с упомянутыми здесь событиями, но отказывается сообщить, знает ли он что-либо о них. Он считает недостойным мужчины рассказывать о каких-либо грабежах краснокожих, кроме тех, за которые он был ответственен.

Таковы были события, происходившие в "стране апачей" в те дни, когда Джеронимо вел своих воинов мстить за "обиды" своего народа. Эта глава послужит доказательством того, что апачи имели множество примеров беззакония, а также того, что он был очень способным учеником в этой школе дикого беззакония.

ГЛАВА XI

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ

Примерно в 1873 году на наше поселение снова напали мексиканские войска, но мы нанесли им поражение. Затем мы решили совершать набеги на Мексику. Мы перевезли весь наш лагерь, погрузив все наши пожитки на мулов и лошадей, отправились в Мексику и разбили лагерь в горах недалеко от Накори. Перемещая наш лагерь таким образом, мы не хотели, чтобы за нами кто-нибудь шпионил, и если мы проходили мимо дома мексиканца, мы обычно убивали его обитателей. Однако, если бы они предложили сдаться и не оказали никакого сопротивления или каких-либо проблем, мы бы взяли их в плен. Часто мы меняли место встречи; тогда мы брали с собой наших пленников, если они хотели идти, но если они были неуправляемы, их могли убить. Я помню одного мексиканца в горах Сьерра-Мадре, который, увидев наше движение, на

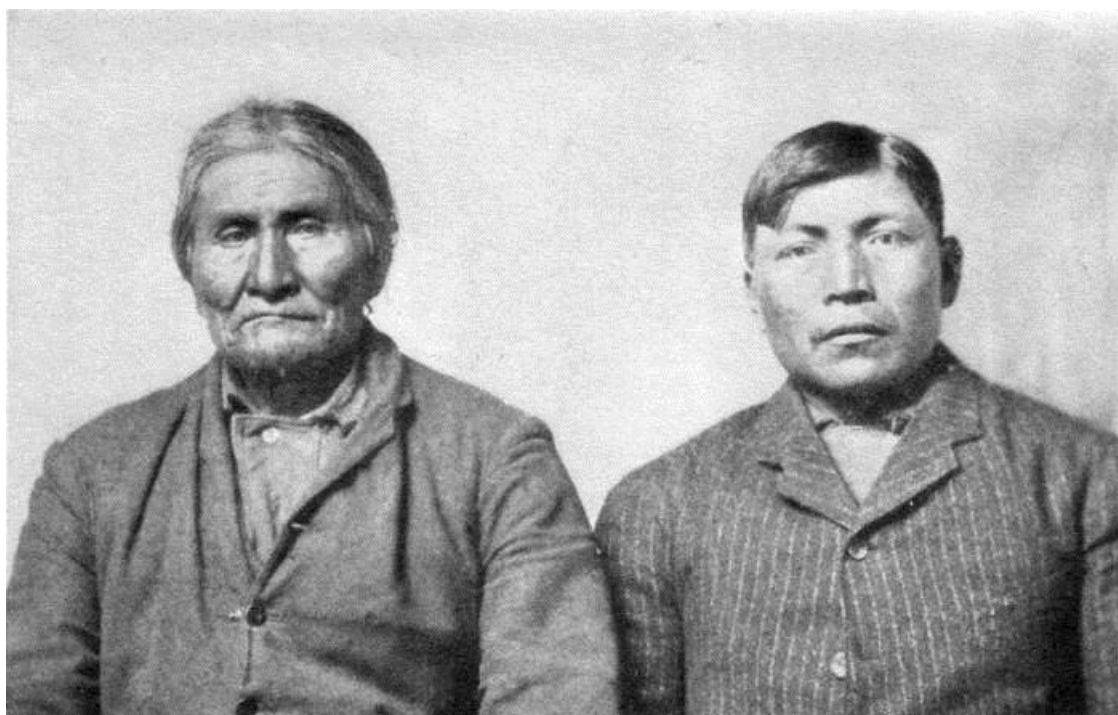
некоторое время задержал нас. Мы взяли на себя труд схватить его, думая, что разграбление его дома окупит нам задержку, но после того, как мы убили его, мы не нашли в его доме ничего стоящего. Мы пробыли в этих горах больше года, совершая набеги на мексиканские поселения в поисках припасов, но не имея никаких общих столкновений с мексиканскими войсками; затем мы вернулись в свои дома в Аризоне. Пробыв в Аризоне около года, мы вернулись в Мексику и стали скрываться в горах Сьерра-Мадре. Наш лагерь находился недалеко от Накори, и мы только что организовали отряды воинов для набегов на страну, когда наши разведчики обнаружили мексиканские войска, приближающиеся к нашему лагерю, чтобы напасть на нас.

Битва при Уайт - Хилл

Вождь апачей недни, Вау, был со мной и командовал одной дивизией. Все воины двинулись навстречу войскам и встретились с ними примерно в пяти милях от нашего лагеря. Мы показали солдатам, и они быстро подъехали к вершине холма и спешили, поставив своих лошадей снаружи для бруствера. Это был круглый холм, очень крутой и скалистый, и по его склонам не было леса. Там стояли две роты мексиканской кавалерии, и у нас было около шестидесяти воинов. Мы подкрались к холму за скалами, и они вели постоянный огонь, но я предупредил наших воинов, чтобы они не подставлялись мексиканцам.

Я знал, что солдаты зря потратят боеприпасы. Вскоре мы перебили всех их лошадей, но солдаты залегли за ними и стреляли в нас. Хотя мы убили нескольких мексиканцев, мы еще не потеряли ни одного человека. Однако подобраться к ним таким образом было невозможно, и я счел за лучшее выдвинуть против них обвинение.

Мы сражались примерно с часу дня, и примерно в середине пополудни, видя, что мы больше не продвигаемся, я дал знак к наступлению. Прозвучал боевой клич, и мы бросились вперед, перепрыгивая через мертвых лошадей мексиканцев, сражаясь врукопашную. Атака была настолько внезапной, что мексиканцы, бегавшие сначала в одну сторону, потом в другую, пришли в такое замешательство, что через несколько минут мы убили их всех. Затем мы сняли скальпы с убитых, вынесли наших мертвых и собрали все необходимое оружие. Той ночью мы переместили наш лагерь на восток через горы Сьерра-Мадре в Чиуауа. Никакие войска не приставали к нам здесь, и примерно через год мы вернулись в Аризону.

Джеронимо Аса Деклуджи

Военный вождь апачей

Официальный переводчик Джеронимо.
Сын Воу, вождя
апачей недни. Главный избранный
преемник Джеронимо после смерти
последнего

Почти каждый год мы проводили часть времени в Старой Мексике. В то время в Аризоне было много поселений; дичи было мало, и, кроме того, мы любили спускаться в Старую Мексику. Кроме того, земли апачей недни, наших друзей и сородичей, простирались далеко в Мексику. Их Вождь, Вау, был мне как брат, и мы проводили большую часть времени на его территории.

Примерно в 1880 году мы стояли лагерем в горах к югу от Каса-Гранде, когда на нас напала рота мексиканских солдат. Там было двадцать четыре мексиканских солдата и около сорока индейцев. Мексиканцы застали нас врасплох в лагере и открыли по нам огонь, убив двух индейцев первым же залпом. Я не знаю, как они смогли найти наш лагерь, если только у них не было отличных разведчиков и наша охрана не была беспечной, но там они открыли по нам огонь прежде, чем мы поняли, что они рядом. Мы были в лесу, и я отдал приказ идти вперед и сражаться с близкого расстояния. Мы прятались за камнями и деревьями, пока не подошли на расстояние десяти ярдов к их линии, затем встали, и обе стороны стреляли до тех пор, пока все мексиканцы не были убиты. В этой битве мы потеряли двенадцать воинов.

Это место индейцы называли "Ско-ла-та". Когда мы похоронили наших погибших и собрали припасы, которые были у мексиканцев, мы отправились на северо-восток. В местечке недалеко от Накори мексиканские войска атаковали нас. В этом месте, называемом индейцами "Нокоде", находилось около восьмидесяти воинов, апачей бедонкохе и недни. Мексиканских войск было три роты. Они напали на нас в открытом поле, и мы рассеялись, стреляя на бегу. Они последовали за нами, но мы рассеялись и вскоре оторвались от их преследования; затем мы

вновь собрались в горах Сьерра-Мадре. Здесь был проведен совет, и поскольку мексиканские войска подходили со многих сторон, мы распустились.

Примерно через четыре месяца мы снова собрались в Каса-Гранде, чтобы заключить мирный договор. Вожди города Каса-Гранде и все мужчины Каса-Гранде заключили с нами договор. Мы пожали друг другу руки и пообещали быть братьями. Потом мы начали торговать, и мексиканцы давали нам мескаль. Вскоре почти все индейцы были пьяны. Пока они были пьяны, две роты мексиканских солдат из другого города напали на нас, убили двадцать индейцев и взяли в плен еще больше. [22] Мы бросились врассыпную.

СНОСКА:

[22] Невозможно заставить Джеронимо понять, что эти войска служили общему правительству, а не какому-то конкретному городу. Он все еще думает, что каждый город независим, а каждый город - отдельное племя. Он не может понять отношения городов к общему правительству.

ГЛАВА XII

САМАЯ МОГУЩЕСТВЕННАЯ БИТВА ДЖЕРОНИМО

После предательства и резни в Каса-Гранде мы долго не собирались, а когда собрались, то вернулись в Аризону. Некоторое время мы оставались в Аризоне, живя в резервации Сан-Карлос, в месте, которое сейчас называется Джеронимо. В 1883 году мы снова отправились в Мексику. Мы оставались в горных хребтах Мексики около четырнадцати месяцев, и за это время у нас было много стычек с мексиканскими войсками. В 1884 году мы вернулись в Аризону, чтобы уговорить других апачей отправиться с нами в Мексику. Мексиканцы собирали войска в горах, где мы расположились, и их численность была настолько больше нашей, что мы не могли надеяться на успешное сражение с ними, и мы устали от того, что нас гоняли с места на место.

В Аризоне у нас возникли проблемы с солдатами Соединенных Штатов (о них рассказывается [вследующей главе](#)), и мы вернулись в Мексику.

Мы потеряли около пятнадцати воинов в Аризоне и не набрали рекрутов. С нашим уменьшенным числом мы разбили лагерь в горах к северу от Ариспе. Мексиканские войска были замечены нашими разведчиками в нескольких направлениях. Войска Соединенных Штатов наступали с севера. Мы были хорошо вооружены ружьями и снабжены боеприпасами, но нам не хотелось быть окруженными войсками двух правительств, поэтому мы начали переносить наш лагерь на юг.

Однажды ночью мы разбили лагерь на некотором расстоянии от гор, у ручья. В ручье было не так много воды, но через прерию пролегло глубокое русло, и тут и там по берегам этого ручья начали расти небольшие деревья.

В те дни мы никогда не разбивали лагерь, не расставив разведчиков, поскольку знали, что в любой момент можем подвергнуться нападению. На следующее утро, как раз на рассвете, пришли наши разведчики, подняли лагерь и сообщили нам, что приближаются мексиканские

войска. Через пять минут мексиканцы начали по нам стрелять. Мы подошли к канавам, образованным у ручья, и заставили женщин и детей копать их поглубже. Я отдал строгий приказ не тратить зря боеприпасы и оставаться в укрытии. В тот день мы убили много мексиканцев и, в свою очередь, понесли тяжелые потери, потому что бой длился весь день. Часто войска атаквали в одной точке, получали отпор, затем собирались и атаквали в другой точке.

Около полудня мы начали слышать, как они произносят мое имя с проклятиями. Во второй половине дня на поле боя появился генерал, и бой стал более ожесточенным. Я отдал приказ своим воинам попытаться убить всех мексиканских офицеров. Около трех часов генерал собрал всех офицеров на правой стороне поля. Место, где они собрались, находилось не очень далеко от главного потока, и недалеко от того места, где стояли офицеры, проходила небольшая канава. Я осторожно выполз из канавы совсем рядом с тем местом, где проходил совет. Генерал был старым воином. Ветер дул в мою сторону, так что я мог слышать все, что он говорил, и я [23] понял большую часть из этого. Примерно вот что он им сказал: "Офицеры, вон в тех канавах красный дьявол Джеронимо и его ненавистная банда. Должно быть, это его последний день. Нападайте на него с обеих сторон рвов; убивайте мужчин, женщин и детей; пленных не берите; мертвые индейцы - вот что нам нужно. Не щадите своих людей; уничтожьте этот отряд любой ценой; Я отправлю раненых, чтобы расстрелять всех дезертиров; возвращайтесь к своим ротам и наступайте".

Как только была дана команда идти вперед, я намеренно прицелился в генерала, и он упал. В одно мгновение земля вокруг меня была изрешечена пулями, но я остался невредим. Апачи видели. Со всех сторон рвов раздался свирепый боевой клич моего народа. Колонны на мгновение дрогнули, а затем двинулись дальше; они не отступали до тех пор, пока наш огонь не уничтожил передние ряды.

Одинокий волк Джеронимо
Вождь Кайова , военный вождь апачей

После этого их борьба стала не такой ожесточенной, но они продолжали спланиваться и перечитывать до темноты. Они также продолжали произносить мое имя с угрозами и проклятиями. В ту ночь, прежде чем прекратилась стрельба, дюжина индейцев выползла из канав и подожгла высокую траву прерий позади мексиканских войск. Во время последовавшей неразберихи мы сбежали в горы.

Это была последняя битва, в которой я когда-либо сражался с мексиканцами. С этого времени войска Соединенных Штатов постоянно следовали за нами по пятам, пока не был заключен договор с генералом Майлзом в Скелет-Каньоне.

Во время моих многочисленных войн с мексиканцами я получил восемь следующих ранений: ранение в правую ногу выше колена, и я до сих пор ношу пулю; ранение в левое предплечье; ранение в правую ногу ниже колена саблей; ранение в макушку прикладом мушкета; ранение чуть ниже внешнего уголка левого глаза; ранение в левый бок; ранение в спину. Я убил много мексиканцев; не знаю, сколько, потому что часто я их не считал. Некоторые из них не стоили того, чтобы их считать.

С тех пор прошло много времени, но я по-прежнему не испытываю любви к мексиканцам. Со мной они всегда были вероломными и злобными. Теперь я стар и никогда больше не выйду на тропу войны, но если бы я был молод и пошел по тропе войны, она привела бы в Старую Мексику.

СНОСКА:

[23] Джеронимо неплохо владеет испанским языком.

ЧАСТЬ III

БЕЛЫЕ ЛЮДИ

ГЛАВА XIII

ПРИШЕСТВИЕ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ

Примерно во время резни в "Каские" (1858) мы слышали, что какие-то белые люди измеряли землю к югу от нас. В компании нескольких других воинов я отправился навестить их. Мы не очень хорошо понимали их, потому что у нас не было переводчика, но мы заключили с ними договор, пожав руки и пообещав быть братьями. Затем мы разбили лагерь рядом с их лагерем, и

они пришли торговать с нами. Мы дали им олени шкуры, одеяла и пони в обмен на рубашки и провизию. Мы также приносили им дичь, за которую они давали нам немного денег. Мы не знали ценности этих денег, но сохранили их и позже узнали от индейцев навахо, что они очень ценные.

Каждый день они измеряли землю странными инструментами и наносили отметки, которые мы не могли понять. Они были хорошими людьми, и мы сожалели, когда они ушли на запад. Они не были солдатами. Это были первые белые люди, которых я когда-либо видел.

Примерно через десять лет пришли еще несколько белых людей. Все они были воинами. Они разбили свой лагерь на реке Гила к югу от Хот-Спрингс. Сначала они были дружелюбны, и мы не испытывали к ним неприязни, но они были не так хороши, как те, кто пришел первыми.

Примерно через год между ними и индейцами возникли некоторые разногласия, и я вступил на тропу войны как воин, а не как вождь. [24] Со мной не поступили несправедливо, но с некоторыми из моего народа поступили несправедливо, и я сражался со своим племенем; ибо виноваты были солдаты, а не индейцы.

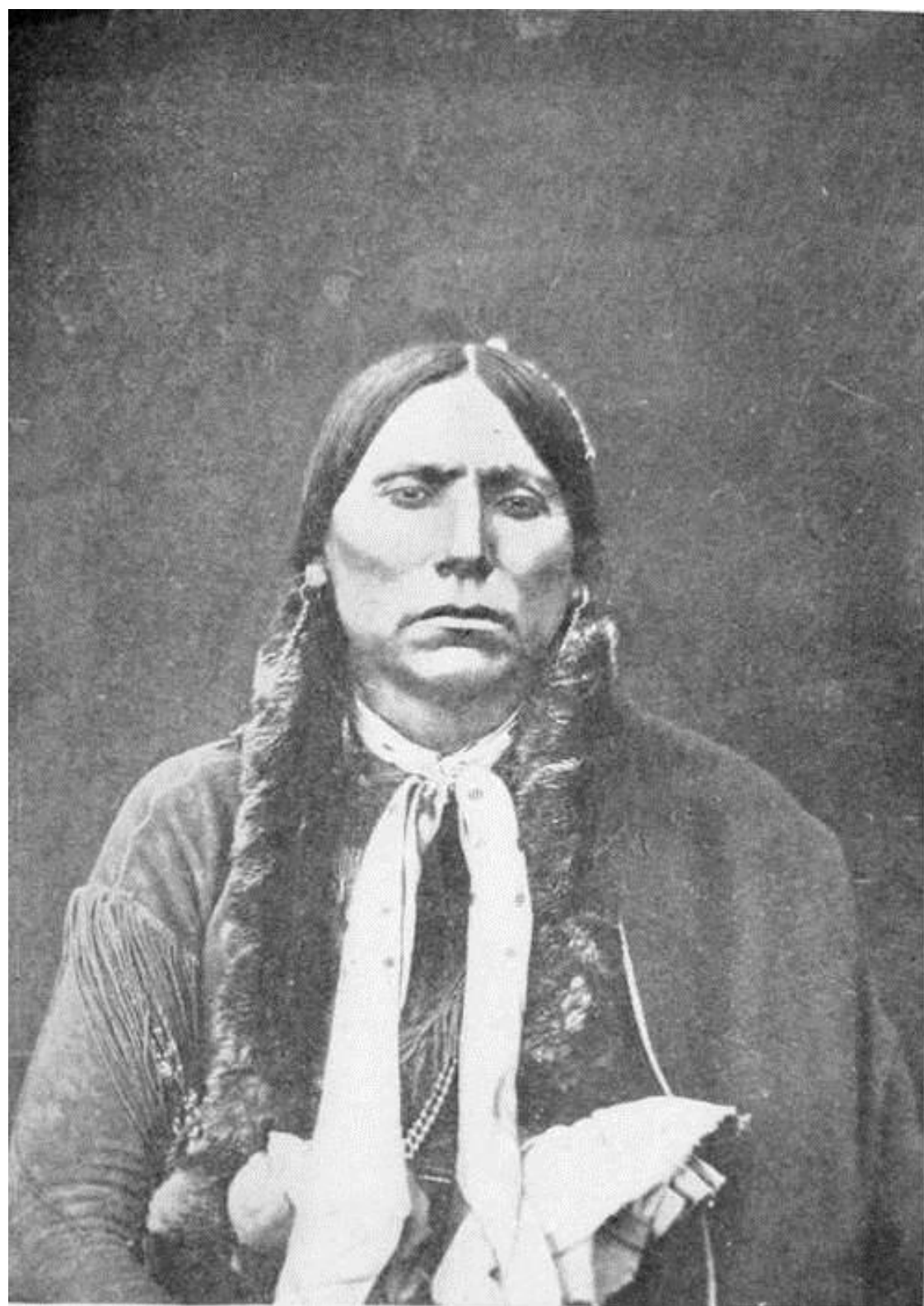
Вскоре после этого некоторые офицеры вооруженных сил Соединенных Штатов пригласили наших лидеров провести конференцию на перевале Апачи (Форт Боуи). Незадолго до полудня индейцев провели в палатку и сказали, что им дадут что-нибудь поесть. Когда они были в палатке, на них [25]. Наш вождь Мангус-Колорадо и несколько других воинов, прорвавшись через палатку, спаслись бегством; но большинство воинов были убиты или взяты в плен. Среди убитых в это время апачей Бедонкохе были Санза, Кладетахе, Ниекахе и Гопи. После этого предательства индейцы вернулись в горы и оставили форт в полном одиночестве. Я не думаю, что агент имел какое-либо отношение к планированию этого, потому что он всегда хорошо относился к нам. Я считаю, что это было полностью спланировано солдатами.

Из [26] самыми первыми солдаты, отправленные в нашу западную страну, и ответственные за них офицеры, не колеблясь, причинили индейцам зло. Они никогда не объясняли правительству, когда с индейцем поступали несправедливо, но всегда сообщали о проступках индейцев. Многое из того, что было сделано подлыми белыми людьми, сообщалось в Вашингтоне как о деяниях моего народа.

Индейцы всегда старались жить в мире с белыми солдатами и поселенцами. Однажды, когда солдаты находились на перевале Апачи, я заключил договор с the post. Это было сделано путем рукопожатия и обещания быть братьями. Кочиз и Мангус-Колорадо сделали то же самое. Я не знаю имени командующего офицера, но это был первый полк, который когда-либо прибыл на перевал Апачи. Этот договор был заключен примерно за год до того, как на нас напали в палатке, как описано выше. Через несколько дней после нападения на перевал Апачи мы организовались в горах и вернулись, чтобы сразиться с солдатами. Там было два племени — апачи бедонкохе и чоконен, обоими командовал Кочиз. После нескольких дней перестрелок мы атаковали товарный поезд, который шел с припасами для Форта. Мы убили нескольких человек, а остальных взяли в плен. Этих пленников наш вождь предложил обменять на индейцев, которых солдаты захватили во время резни в палатке. Офицеры отказались, поэтому мы убили наших пленников, распустили отряд и скрылись в горах. Из тех, кто принимал участие в этом деле, я единственный, кто сейчас жив.

Через несколько дней на наши поиски были отправлены войска, но поскольку мы были распущены, им, конечно, было невозможно обнаружить какой-либо вражеский лагерь. Пока они искали нас, многие из наших воинов (которых солдаты считали миролюбивыми индейцами) разговаривали с офицерами и рядовыми, советуя им, где они могут найти лагерь, который искали, и пока они искали, мы наблюдали за ними из наших укрытий и смеялись над их неудачами.

После этой неприятности все индейцы согласились больше не дружить с белыми людьми. Генерального сражения не было, но последовала долгая борьба. Иногда мы нападали на белых людей — иногда они нападали на нас. Сначала убивали нескольких индейцев, а затем нескольких солдат. Я думаю, что количество убитых было примерно равным с каждой стороны. Число погибших в этих беспорядках было невелико, но это предательство со стороны солдат разозлило индейцев и возродило воспоминания о других обидах, так что мы больше никогда не доверяли войскам Соединенных Штатов.

СНОСКИ:

[24] Как племя они будут сражаться под командованием своего племенного вождя Мангус-Колорадо. Если бы было вызвано несколько племен, командовал бы военный вождь Джеронимо.

[25] По поводу этого нападения мистер Л. К. Хьюз, редактор *The Star*, Тусон, Аризона, к которому меня направил генерал Майлз, пишет следующее:

"Похоже, что Кочиз и его племя уже некоторое время находились на тропе войны, и его вместе с несколькими подчиненными вождями доставили в военный лагерь в Боуи под обещание заключить мирный договор, после чего их отвели в большую палатку, где на них надели наручники. Кочиз, видя это, прорвался через палатку и убежал в горы; и менее чем за шесть часов окружил лагерь силами от трех до пяти сотен воинов; но солдаты отказались вступить в бой".

[26] Это огульное утверждение более общее, чем мы готовы признать, но оно может быть более близким к истине, чем наши собственные отчеты.

ГЛАВА XIV

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Возможно, самым большим злом, когда-либо причиненным индейцам, было обращение, которому подверглось наше племя со стороны войск Соединенных Штатов примерно в 1863 году. Вождь нашего племени Мангус-Колорадо отправился заключать мирный договор для нашего народа с белым поселением в Апачи-Техо, штат Нью-Мексико. Нам сообщили, что белые люди в этом поселении более дружелюбны и надежны, чем жители Аризоны, что они будут соблюдать свои договоры и не причинят вреда индейцам.

Мангус-Колорадо с тремя другими воинами отправился в Апачи-Теджо и держал совет с этими гражданами и солдатами. Они сказали ему, что если он приедет со своим племенем и будет жить рядом с ними, они выдадут ему от правительства одеяла, муку, провизию, говядину и все виды припасов. Наш вождь пообещал вернуться в Апачи Теджо в течение двух недель. Вернувшись в наше поселение, он собрал все племя на совет. Я не верил, что люди из Apache Tejo поступят так, как они сказали, и поэтому я выступил против этого плана, но было решено, что с частью племени Мангус-Колорадо следует вернуться в Apache Tejo и получить выдачу пайков и припасов. Если бы они были представлены так, как они представлены, и если бы эти белые люди точно соблюдали договор, остальная часть племени присоединилась бы к нему, и мы обосновались бы в Апачи-Теджо на постоянное место жительства. Я должен был остаться во главе той части племени, которая осталась в Аризоне. Мы отдали почти все наше оружие и боеприпасы отряду, направлявшемуся в Апачи-Теджо, чтобы в случае предательства они были готовы к любому сюрпризу. Мангус-Колорадо и примерно половина нашего народа отправились

в Нью-Мексико, счастливые, что теперь они нашли белых людей, которые были бы добры к ним и с которыми они могли бы жить в мире и достатке.

От них так и не пришло к нам ни слова. Однако из других источников мы слышали, что они были вероломно [27] схвачены и убиты. В этой дилемме мы не знали точно, что делать, но, опасаясь, что войска, захватившие их, нападут на нас, мы отступили в горы недалеко от перевала Апачи.

В течение недель, последовавших за отъездом наших людей, мы находились в напряжении и, не сумев обеспечить больше припасов, израсходовали все наши запасы провизии. Это было еще одной причиной переноса лагеря. Во время этого отступления, проходя через горы, мы обнаружили четырех мужчин со стадом крупного рогатого скота. Двое мужчин ехали впереди в повозке, а двое - сзади на лошадях. Мы убили всех четверых, но не сняли с них скальпы; они не были воинами. Мы загнали скот обратно в горы, разбили лагерь и начали забивать скот и упаковывать мясо.

Прежде чем мы закончили эту работу, мы были застигнуты врасплох и атакованы войсками Соединенных Штатов, которые убили всего семерых индейцев — одного воина, трех женщин и троих детей. Правительственные войска были конными, как и мы, но мы были плохо вооружены, так как большую часть нашего оружия отдали подразделению нашего племени, ушедшему в Апачи Теджо, поэтому мы сражались в основном копьями, луками и стрелами. Сначала у меня были копье, лук и несколько стрел; но через короткое время мое копье и все мои стрелы исчезли. Однажды я был окружен, но, уворачиваясь от бегущего коня, я спасся. Во время этого боя многим воинам пришлось оставить своих лошадей и бежать пешком. Но моя лошадь была приучена приходить по зову, и как только я достигал безопасного места, если меня не преследовали слишком пристально, я подзывал ее к себе. [28] Во время этого боя мы рассеялись во всех направлениях и два дня спустя вновь собрались в назначенном месте встречи, примерно в пятидесяти милях от места этого сражения.

Примерно через десять дней те же войска Соединенных Штатов атаковали наш новый лагерь на рассвете. Бой продолжался весь день, но все наши стрелы и копья закончились еще до десяти часов, и до конца дня у нас были только камни и дубинки, которыми мы могли сражаться. Мы могли нанести небольшой урон этим оружием, и ночью мы перенесли наш лагерь примерно на четыре мили назад в горы, где кавалерии было бы трудно преследовать нас. На следующий день наши разведчики, оставленные наблюдать за передвижениями солдат, вернулись и сообщили, что войска вернулись в резервацию Сан-Карлос.

Через несколько дней после этого мы снова подверглись нападению другой роты военнослужащих Соединенных Штатов. Как раз перед этим боем к нам присоединился отряд индейцев Чоконен под командованием Кочизе, который принял командование обеими дивизиями. Мы были отброшены и решили расформироваться.

После того, как мы распустили наше племя, апачи Бедонкохе вновь собрались возле своего старого лагеря, тщательно ожидая возвращения Мангус-Колорадо и наших сородичей. Никаких вестей не поступало, кроме того, что все они были предательски убиты. [29] Затем был проведен совет, и, поскольку считалось, что Мангус-Колорадо мертв, я был избран вождем племени.

Долгое время у нас ни с кем не было проблем. Прошло больше года после того, как я стал вождем племени, когда войска Соединенных Штатов неожиданно атаковали наш лагерь. Они убили семерых детей, пять женщин и четырех воинов, захватили все наши припасы, одеяла,

лошадей и одежду и разрушили наши вигвамы. У нас ничего не осталось; начиналась зима, и это была самая холодная зима, которую я когда-либо знал. После того, как солдаты отступили, я взял трех воинов и выследил их. Их след вел обратно в Сан-Карлос.

СНОСКИ:

[27] Генерал Майлз телеграфировал из казарм Уиппл, Аризона, 24 сентября 1886 г. относительно капитуляции апачей. Среди прочего он сказал: "Мангус-Колорадо много лет назад был подло убит после того, как сдался".

[28] Джеронимо часто подзывает к себе своих лошадей в резервации Форт Силл. Он издает только одну пронзительную ноту, и они бегут к нему со всех ног.

[29] По поводу убийства Мангуса-Колорадо Л. К. Хьюз из Тусона, Аризона, *Star* пишет следующее: "В начале 63-го года, когда генерал Уэст и его войска стояли лагерем близ Мембраса, он послал разведчика Джека Суиллинга привести Мангуса, который встал лагерем на тропу войны с тех самых пор, как произошел инцидент с Кочизом в "Боуи". Старый вождь всегда выступал за мир и с радостью принял предложение; когда он появился в лагере, генерал Уэст приказал поместить его в караульное помещение, в котором было лишь небольшое отверстие в задней части и всего одно маленькое окно. Войдя, старый вождь сказал: "Это мой конец. Я никогда больше не буду охотиться в горах и долинах моего народа". Он чувствовал, что его убьют. Охранникам был отдан приказ застрелить его, если он попытается сбежать. Он лег и попытался заснуть, но ночью кто-то бросил большой камень, который попал ему в грудь. Он вскочил, и в бреду охранники подумали, что он пытается сбежать, и несколько из них застрелили его; это был конец Мангуса.

- Хирург отделил его голову от тела, извлек мозг и взвесил. Голова была больше, чем у Дэниела Вебстера, и мозг имел соответствующий вес. Череп был отправлен в Вашингтон и сейчас выставлен в Смитсоновском институте ".

ГЛАВА XV

УДАЛЕНИЯ

Возвращаясь после преследования правительственных войск, мы увидели двух мужчин, мексиканца и белого, и сбили их с лошадей. С этими двумя лошадьми мы вернулись и перенесли наш лагерь. Мой народ сильно страдал, и было сочтено целесообразным отправиться туда, где мы могли бы раздобыть больше провизии. В то время на наших пастбищах было мало дичи, и с тех пор, как я был вождем племени, я не просил пайков у правительства, да мне и не хотелось этого делать, но мы не хотели умирать с голоду.

Мы слышали, что вождь Виктория из племени чихенне (Oje Caliente) Апачи держал совет с белыми людьми недалеко от Хот-Спрингс в Нью-Мексико, и у него было много провизии. Мы всегда были в дружеских отношениях с этим племенем, и Виктория была особенно добра к моему народу. С помощью двух захваченных нами лошадей, чтобы нести с собой наших

больных, мы отправились к Горячим источникам. Мы легко нашли Викторию и его группу, и они снабдили нас припасами на зиму. Мы прожили у них около года, и во время этого пребывания у нас был идеальный мир. У нас не было ни малейших проблем с мексиканцами, белыми или индейцами. Когда мы пробыли здесь столько, сколько следовало, и снова собрали кое-какие припасы, мы решили покинуть группу Виктории. Когда я сказала ему, что мы собираемся уезжать, он сказал, что мы должны устроить пир и потанцевать, прежде чем разойдемся.

Празднества проходили примерно в двух милях над Хот-Спрингсом и продолжались четыре дня. На этом празднестве присутствовало около четырехсот индейцев. Я не думаю, что мы когда-либо проводили более приятное время, чем в этот раз. Никто никогда не относился к нашему племени более доброжелательно, чем Виктория и его группа. Мы до сих пор с гордостью можем сказать, что он и его люди были нашими друзьями.

Когда я отправился на перевал Апачи (Форт Боуи) Я нашел командующего генерала Ховарда и заключил с ним соглашение. Этот договор действовал еще долгое время после того, как генерал Ховард покинул нашу страну. Он всегда держал данное нам слово и относился к нам как к братьям. У нас никогда не было такого хорошего друга среди офицеров Соединенных Штатов, как генерал Ховард. Мы могли бы вечно жить с ним в мире. Если и есть чистый, честный белый человек в армии Соединенных Штатов, то это генерал Ховард. Все индейцы уважают его и даже по сей день часто говорят о счастливых временах, когда генерал Ховард командовал нашим Блокпостом. После того, как он уехал, он направил агента на перевал Апачи, который выдавал нам от правительства одежду, пайки и припасы, как указывал генерал Ховард. Когда индейцам раздали говядину, я получил двенадцать бычков для своего племени, а Кочиз получил двенадцать бычков для своего племени. Пайки выдавались примерно раз в месяц, но если у нас заканчивались, нам стоило только попросить, и нас снабжали. Теперь, как военнопленные в этой Резервации, мы не получаем таких хороших пайков. [31]

В прерии, недалеко от перевала Апачи, мужчина держал лавку и салун. Через некоторое время после ухода генерала Говарда банда объявленных вне закона индейцев убила этого человека и забрала много припасов из его магазина. Буквально на следующий день после этого несколько индейцев на посту напились "тисвина", который они готовили из кукурузы. Они подрались между собой, и четверо из них были убиты. В течение некоторого времени между ними происходили ссоры и вражда, и после этой неприятности мы сочли невозможным поддерживать мир между различными группами. Поэтому мы разделились, и каждый лидер взял свою собственную группу. Кто-то из них отправился в Сан-Карлос, а кто-то в Старую Мексику, но я забрал свое племя обратно в Хот-Спрингс и присоединился к группе Виктории.

СНОСКИ:

[30] Генерал О. О. Ховард не командовал, но был послан президентом Грантом в 1872 году заключить мир с индейцами апачи. Генерал написал мне из Берлингтона, штат Вирджиния, под датой 12 июня 1906 года, что он помнит о договоре и что он также с большим удовлетворением вспоминает о последующей встрече с Джеронимо.—Редактор.

[31] Сейчас они не получают полный паек, как тогда.

ГЛАВА XVI

В ТЮРЬМЕ И НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Вскоре после того, как мы прибыли в Нью-Мексико, из Сан-Карлоса были отправлены две роты скаутов. Когда они прибыли в Хот-Спрингс, они попросили меня и Викторину приехать в город. Гонцы не сказали, чего они хотели от нас, но так как они казались дружелюбными, мы подумали, что им нужен совет, и поехали навстречу офицерам. Как только мы прибыли в город, нас встретили солдаты, разоружили и отвели обоих в штаб, где мы предстали перед военным трибуналом. Они задали нам всего несколько вопросов, а затем Викторину освободили, а меня приговорили к гауптвахте. Скауты отвели меня на гауптвахту и заковали в цепи. Когда я спросил их, почему они это сделали, они ответили, что это потому, что я покинул перевал Апачи.

Я не думаю, что я когда-либо принадлежал к тем солдатам на перевале Апачи или что мне следовало спросить их, куда я могу пойти. Наши группы больше не могли жить в мире [32] вместе, и поэтому мы тихо ушли, ожидая жить с Victoria's band, где, как мы думали, к нам не будут приставать. Они также приговорили семерых других апачей к заковыванию в цепи на гауптвахте.

Я не знаю, зачем это было сделано, потому что эти индейцы просто следовали за мной от перевала Апачи до Хот-Спрингс. Если с нашей стороны было неправильно (а я не думаю, что это было неправильно) ехать в Хот-Спрингс, то виноват был только я. Они спросили у командующих солдат, почему их заключили в тюрьму и заковали в цепи, но не получили ответа.

Меня держали в заключении четыре месяца, в течение которых меня перевели в Сан-Карлос. Потом, я думаю, у меня было еще одно судебное разбирательство, хотя я при этом и не присутствовал. На самом деле я не знаю, был ли у меня еще один судебный процесс, но мне сказали, что был, и, во всяком случае, меня освободили.

После этого у нас больше не было проблем с солдатами, но я больше не чувствовал себя спокойно на Посту. Нам разрешили жить над Сан-Карлосом в местечке, которое сейчас называется Джеронимо. Человек, которого индейцы называли "Ник Голи", был агентом в этом месте. В течение двух лет здесь все шло хорошо, но мы не были удовлетворены.

Летом 1883 года прошел слух, что офицеры снова планируют заключить в тюрьму наших лидеров. Этот слух воскресил в памяти все наши прошлые обиды — резню в палатке на перевале Апачи, судьбу Мангус-Колорадо и мое собственное несправедливое заключение, которое легко могло обернуться для меня смертью. Как раз в это время нам сказали, что офицеры хотят, чтобы мы поднялись вверх по реке выше Джеронимо к форту (Fort Thomas), чтобы провести с ними совет. Мы не верили, что из этой конференции может выйти что-то хорошее или что в ней вообще есть необходимость; поэтому мы сами созвали совет и, опасаясь предательства, решили покинуть резервацию. Мы считали более мужественным умереть на тропе войны, чем быть убитым в тюрьме.

Всего там было около 250 индейцев, в основном апачи бедонкохе и недни, во главе со мной и Вау. Мы прошли через перевал Апачи и к западу от него вступили в бой с войсками Соединенных Штатов. В этом бою мы убили трех солдат и не потеряли ни одного.

Мы продолжали двигаться в сторону Старой Мексики, но на второй день после этого солдаты Соединенных Штатов настигли нас около трех часов дня, и мы сражались до темноты. Местность, на которой нас атаковали, была очень пересеченной, что было нашим преимуществом, так как войска были вынуждены спешиться, чтобы сразиться с нами. Я не знаю, сколько солдат мы убили, но мы потеряли только одного воина и троих детей. В то время у нас было много оружия и боеприпасов. Много оружия и боеприпасов мы накопили, живя в резервации, а остальное получили от апачей Уайт-Маунтин, когда покидали резервацию.

Войска больше не преследовали нас, поэтому мы отправились на юг почти до Каса-Гранде и разбили лагерь в горах Сьерра-де-Сахуарипа. Около года мы бродили по горам Старой Мексики, затем вернулись в Сан-Карлос, взяв с собой стадо крупного рогатого скота и лошадей.

Вскоре после того, как мы прибыли в Сан-Карлос, ответственный офицер, генерал Крук, забрал у нас лошадей и крупный рогатый скот. Я сказал ему, что это скот не белых людей, а принадлежит нам, потому что мы отобрали его у мексиканцев во время наших войн. Я также сказал ему, что мы не собирались убивать этих животных, но что мы хотели бы сохранить их и увеличить поголовье на нашем пастбище. Он не стал меня слушать, но забрал поголовье. Я подошел к форту Апач, и генерал Крук приказал офицерам, солдатам и разведчикам проследить, чтобы меня арестовали; если я окажу сопротивление, им было приказано убить меня.

Эту информацию мне передали индейцы. Когда я узнал об этой предполагаемой акции, я отправился в Старую Мексику, и около четырехсот индейцев отправились со мной. Это были бедонкохе, Чоконен и недни апачи. В то время Вау был мертв, и Найче был единственным вождем рядом со мной. Мы отправились на юг, в Сонору, и разбили лагерь в горах. Войска последовали за нами, но не нападали, пока мы не разбили лагерь в горах к западу от Каса-Гранде. Здесь на нас напали правительственные индейские разведчики. Один мальчик был убит, и почти все наши женщины и дети попали в плен. [33]

После этого сражения мы отправились к югу от Каса-Гранде и разбили лагерь, но через несколько дней этот лагерь был атакован мексиканскими солдатами. Мы вели с ними перестрелку весь день, убив нескольких мексиканцев, но сами не понесли потерь.

Той ночью мы отправились на восток, к подножию гор Сьерра-Мадре, и разбили еще один лагерь. Мексиканские войска выследили нас и через несколько дней снова атаковали наш лагерь. На этот раз у мексиканцев была очень большая армия, и мы избежали генерального сражения. Бессмысленно сражаться, когда нет надежды на победу.

Той ночью мы провели военный совет; наши разведчики сообщили о бандах американских и мексиканских войск во многих точках в горах. Мы подсчитали, что около двух тысяч солдат бродили по этим горам, пытаясь захватить нас в плен.

Генерал Крук прибыл в Мексику с войсками Соединенных Штатов. Они стояли лагерем в горах Сьерра-де-Антунес. Разведчики сказали мне, что генерал Крук хотел меня видеть, и я отправился в его лагерь. Когда я прибыл, генерал Крук спросил меня: "Почему ты покинул резервацию?" Я сказал: "Вы сказали мне, что я мог бы жить в резервации так же, как жили белые люди. В один год я вырастил урожай кукурузы, собрал и сохранил его, а на следующий год я посадил урожай овса, и когда урожай был почти готов к уборке, вы приказали своим солдатам посадить меня в тюрьму, а если я буду сопротивляться, убить меня. Если бы меня оставили в покое, я бы сейчас был в хороших обстоятельствах, но вместо этого вы и мексиканцы охотитесь

за мной с солдатами ". Он сказал: "Я никогда не отдавал никаких подобных приказов; войска в Форт-Апаче, распространившие это сообщение, знали, что оно не соответствует действительности". Тогда я согласился вернуться с ним в Сан-Карлос.

В то время мне было трудно ему поверить. Теперь я знаю, что то, что он сказал, было неправдой, [34] и я твердо верю, что он действительно отдавал приказ посадить меня в тюрьму или убить в случае, если я окажу сопротивление.

СНОСКИ:

[32] Виктория, вождь апачей Хот-Спринг, встретил свою смерть, выступая против насильственного переселения своей группы в резервацию, потому что после предыдущих неудачных попыток он почувствовал, что отдельные группы апачей не могут жить в мире при таком устройстве.

[33] Вся семья Джеронимо, за исключением его старшего сына, воина, была захвачена в плен.

[34] Точные слова Джеронимо, за которые Редактор не несет никакой ответственности.

ГЛАВА XVII

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Мы хотели всем нашим племенем отправиться с генералом Круком обратно в Соединенные Штаты, но я испугался предательства и решил остаться в Мексике. В это время нас никто не охранял. Войска Соединенных Штатов шли впереди, а индейцы следовали за ними, и когда у нас возникли подозрения, мы повернули назад. Я не знаю, как далеко зашла армия Соединенных Штатов в погоне за мной, и некоторые воины повернули назад, прежде чем нас хватились, и мне все равно.

Я много страдал от таких несправедливых приказов, как приказ генерала Крука. Подобные действия причинили много горя моему народу. Я думаю, что смерть генерала Крука [35] была послана Всевышним в наказание за множество совершенных им злодеяний.

Вскоре генерал Майлз был назначен командующим всеми западными постами, и войска постоянно следовали за нами. Ими командовал капитан Лоутон, у которого были хорошие разведчики. Мексиканская [36] Солдаты также стали более активными и многочисленными. У нас были стычки почти каждый день, и поэтому мы, наконец, решили разделиться на небольшие группы. С шестью мужчинами и четырьмя женщинами я отправился к горному хребту недалеко от Хот-Спрингс, Нью-Мексико. Мы проезжали мимо многих скотоводческих ферм, но у нас не было проблем с ковбоями. Мы убивали скот, чтобы поесть, когда нуждались в пище, но часто сильно нуждались в воде. Однажды у нас два дня и ночи не было воды, и наши лошади чуть не умерли от жажды. Некоторое время мы пробыли в горах Нью-Мексико, затем, подумав, что, возможно, войска покинули Мексику, вернулись. На нашем возвращении через Старую Мексику мы нападали на каждого встречного мексиканца, даже если только для того,

чтобы убить. Мы полагали, что они попросили войска Соединенных Штатов прибыть в Мексику, чтобы сразиться с нами.

К югу от Каса-Гранде, недалеко от места, называемого индейцами Госода, проходила дорога, ведущая из города. Мексиканцы перевозили по этой дороге много грузов. Там, где дорога проходила через горный перевал, мы оставались в укрытии, и всякий раз, когда проходили мексиканские грузовые суда, мы убивали их, забирали все припасы, какие хотели, а остальное уничтожали. Мы безрассудно относились к своей жизни, потому что чувствовали, что рука каждого человека направлена против нас. Если бы мы вернулись в резервацию, нас бы посадили в тюрьму и убили; если бы мы остались в Мексике, они продолжали бы посылать солдат сражаться с нами; поэтому мы никому не давали пощады и не просили одолжений.

Через некоторое время мы покинули Госоду и вскоре воссоединились с нашим племенем в горах Сьерра-де-Антунес.

Вопреки нашим ожиданиям, солдаты Соединенных Штатов не покинули горы Мексики и вскоре стали преследовать нас и вступать с нами в перестрелки почти каждый день. Четыре или пять раз они нападали на наш лагерь врасплох. Однажды они напали на нас около девяти часов утра и захватили всех наших лошадей [37] (всего девятнадцать) и захватили наш запас сушеного мяса. В этой стычке мы также потеряли трех индейцев. Примерно в середине дня того же дня мы атаковали их с тыла, когда они проходили через прерию — убили одного солдата, но сами не потеряли ни одного. В этой стычке мы вернули всех наших лошадей, кроме трех, которые принадлежали мне. Три лошади, которых мы не вернули, были лучшими верховыми лошадьми, которые у нас были.

Вскоре после этого мы заключили договор с мексиканскими войсками. Они сказали нам, что войска Соединенных Штатов были истинной причиной этих войн, и согласились больше не воевать с нами при условии, что мы вернемся в Соединенные Штаты. Мы согласились сделать это и возобновили наш марш, рассчитывая попытаться заключить договор с солдатами Соединенных Штатов и вернуться в Аризону. Казалось, другого пути не было.

Вскоре после этого разведчики из войск капитана Лоутона сообщили нам, что он хотел бы заключить с нами договор; но я знал, что генерал Майлз был главнокомандующим американскими войсками, и я решил вести переговоры с ним.

Мы продолжали перемещать наш лагерь на север, и американские войска также продвигались на север, [38] держась на небольшом расстоянии от нас, но не нападая на нас.

Я отправил своего брата Порико (Белая Лошадь) с мистером Джорджем Рэттоном в Форт Боуи, чтобы повидаться с генералом Майлзом и сказать ему, что мы хотели бы вернуться в Аризону; но прежде чем эти гонцы вернулись, я встретил двух индейских разведчиков — Кайиту, апача Чоконена, и Мартинена, апача Недни. Они служили разведчиками в войсках капитана Лоутона. Они сказали мне, что приехал генерал Майлз и послал их попросить меня встретиться с ним. Итак, я отправился в лагерь войск Соединенных Штатов, чтобы встретиться с генералом Майлзом.

Когда я прибыл в их лагерь, я пошел прямо к генералу Майлзу и рассказал ему, как со мной поступили несправедливо, и что я хотел вернуться в Соединенные Штаты со своими людьми, поскольку мы хотели увидеть наши семьи, которые были захвачены в плен [39] и забраны у нас.

Генерал Майлз сказал мне: "Президент Соединенных Штатов послал меня поговорить с вами. Он слышал о ваших неприятностях с белыми людьми и говорит, что, если вы согласитесь на несколько слов договора, у нас больше не будет проблем. Джеронимо, если ты согласишься на несколько слов договора, все будет удовлетворительно устроено."

Итак, генерал Майлз рассказал мне, как мы могли бы стать братьями друг другу. Мы подняли руки к небу и сказали, что договор не должен быть нарушен. Мы дали клятву не делать друг другу ничего плохого и не строить козней друг против друга.

Затем он долго разговаривал со мной и рассказал, что он сделает для меня в будущем, если я соглашусь на этот договор. Я не очень верил генералу Майлзу, но поскольку президент Соединенных Штатов прислал мне весточку, я согласился заключить договор и соблюдать его. Затем я спросил генерала Майлза, каким будет этот договор. Генерал Майлз сказал мне: [40] "Я возьму вас под защиту правительства; Я построю вам дом; Я огорожу вам много земли; Я дам вам крупный рогатый скот, лошадей, мулов и сельскохозяйственный инвентарь. У вас будут люди для работы на ферме, потому что вам самим не придется работать. Осенью я пришлю вам одеяла и одежду, чтобы вы не страдали от холода в зимнее время.

"В земле, куда я пошлю тебя, много древесины, воды и травы. Ты будешь жить со своим племенем и со своей семьей. Если вы согласитесь с этим договором, вы увидите свою семью в течение пяти дней".

Я сказал генералу Майлзу: "Все офицеры, командовавшие индейцами, говорили то же самое, и для меня это звучит как сказка; я вам с трудом верю".

Он сказал: "На этот раз это правда".

Я сказал: "Генерал Майлз, я не знаю законов белого человека и этой новой страны, куда вы собираетесь меня отправить, и я могу нарушить их законы".

Он сказал: "Пока я жив, вас не арестуют".

Тогда я согласился заключить договор. (С тех пор как я был военнопленным, меня дважды арестовывали и помещали на гауптвахту за распитие виски.)

Мы встали между его солдатами и моими воинами. Мы положили большой камень на одеяло перед собой. Наш договор был заключен этим камнем, и он должен был длиться до тех пор, пока камень не рассыплется в прах; поэтому мы заключили договор и связали друг друга клятвой.

Я не верю, что я когда-либо нарушал этот договор; но генерал Майлз [41] так и не выполнил своих обещаний.

Когда мы заключили мирный договор, генерал Майлз сказал мне: "Брат мой, у тебя в голове только то, как ты собираешься убивать людей, и другие мысли о войне; я хочу, чтобы ты выбросил это из головы и изменил свои мысли на мирные".

Тогда я согласился и сложил оружие. Я сказал: "Я сойду с тропы войны и отныне буду жить в мире".

Затем генерал Майлз расчистил рукой участок земли и сказал: "Ваши прошлые деяния будут стерты вот так, и вы начнете новую жизнь".

СНОСКИ:

[35] Это точные слова Джеронимо. Редактор не несет ответственности за эту критику в адрес генерала Крука.

[36] Губернатор Соноры Торрес согласился сотрудничать с нашими войсками в истреблении или пленении этого племени.

[37] Капитан Лоутон официально сообщает о том же сражении, но не упоминает о поимке (апачами) лошадей.

[38] См. примечание [странице 142](#).

[39] См. [страницу 136](#).

[40] Условия договора см. на [странице 154](#).

[41] Критические замечания генерала Майлза в предыдущей главе исходят от Джеронимо, а не от редактора.

ГЛАВА XVIII

КАПИТУЛЯЦИЯ ДЖЕРОНИМО

11 февраля 1887 года Сенат принял следующую резолюцию:

"Решено, чтобы военному министру было поручено передать Сенату все депеши генерала Майлза, касающиеся сдачи Джеронимо, и все инструкции, данные генералу Майлзу и переписку с ним в связи с этим". Эти документы опубликованы в Исполнительных документах Сената, Вторая сессия 49-го Конгресса, 1886-187 гг., Том II, № 111-125. За исчерпывающим описанием условий сдачи Джеронимо читатель может обратиться к этому документу, но эта глава дана для того, чтобы вкратце показать условия сдачи и подтвердить, по крайней мере частично, заявления, сделанные Джеронимо.

Приняв командование департаментом Аризона, генерал Нельсон А. Майлз получил указание Военного министерства использовать наиболее энергичные операции для уничтожения или пленения враждебных апачей.

Следующие выдержки взяты из инструкций, изданных 20 апреля 1886 года для информирования и руководства войсками, несущими службу в южной части Аризоны и Нью-Мексико.

"Главной целью войск будет захват или уничтожение любой банды враждебных индейцев апачи, обнаруженной в этой части страны, и с этой целью от всех офицеров и солдат потребуются самые энергичные и настойчивые усилия, пока цель не будет достигнута".

* * * * *

"Достаточное количество надежных индейцев будет использовано в качестве вспомогательного персонала для обнаружения любых признаков враждебных индейцев и в качестве трейлеров".

* * * * *

"Чтобы избежать любого преимущества, которое индейцы могут получить при перегоне лошадей, когда командир отряда или эскадрона находится рядом с враждебными индейцами, он будет вправе спешиться с половины своего отряда и выбрать самых легких и лучших всадников для преследования самыми энергичными форсированными маршами до тех пор, пока силы всех животных, находящихся в его подчинении, не будут исчерпаны".

* * * * *

Следующие телеграммы свидетельствуют об усилиях войск Соединенных Штатов и сотрудничестве мексиканских войск под командованием губернатора Торреса:

"Штаб Тихоокеанского подразделения,
Президио Сан-Франциско, Калифорния"
22 Июля 1886 года.

Генерал-адъютант,
Вашингтон, округ Колумбия:

"Только что получена следующая телеграмма от генерала Майлза:

"Капитан Лоутон сообщает через полковника Ройалла, командующего фортом Уачука, что его лагерь напал врасплох на лагерь Джеронимо на реке Йонги, примерно в 130 милях к юго-востоку от Кампаса, Сонора, или почти в 300 милях к югу от границы с Мексикой, захватив все имущество индейцев, включая сотни фунтов сушеного мяса и девятнадцать верховых животных. Это уже пятый раз за последние три месяца, когда индейцы были застигнуты врасплох войсками. Хотя результаты не были решающими, все же это ободрило войска, уменьшило численность и силу индейцев и дало им чувство незащищенности даже в отдаленных и почти неприступных горах Старой Мексики".

- В отсутствие командира дивизии.

К. Маккивер,
Помощник генерал-адъютанта".

"Штаб Тихоокеанского подразделения,
Президио Сан-Франциско, Калифорния"
19 Августа 1886 года.

Генерал-адъютант,
Вашингтон, округ Колумбия:

"Следующее получено от генерала Майлза, датировано 18-м:

"Сегодняшние депеши от губернатора Торреса, датированные Эрмосильо, Сонора, Мексика, от полковников Форсайта и Бомонта, командующих округами Уачука и Боуи, подтверждают следующее: Джеронимо с сорока индейцами пытается заключить мир с мексиканскими властями округа Фронтерас. Один из наших разведчиков, возвращаясь в форт Уачука из командования Лоутона, встретил его, Найче и тринадцать других индейцев на пути во Фронтераз; имел с ними долгую беседу; они сказали, что хотят заключить мир, и выглядели измученными и голодными. Джеронимо носил свою правую руку на перевязи. Великолепная работа войск, очевидно, дает хороший эффект. Если противники не сдадутся мексиканским властям, командование Лоутона находится к югу от них, а Уайлдер с подразделениями G и M, Четвертой кавалерийской, двинулся на юг, к Фронтерасу, и будет там к 20-му. Лейтенант Локетт с эффективным командованием завтра будет на хорошей позиции, недалеко от Гуадалупе-Каньон, в горах Кахон-Бонито. 11-го числа у меня было очень удовлетворительное интервью с губернатором Торресом. Мексиканские официальные лица действуют заодно с нашими".

- О. О. Ховард,
Генерал-майор.

*Кайта Нахтин,
разведчики-апачи, которые были с генералом. Лоутон*

Генерал О. О. Говард телеграфировал из Пресидио, Сан-Франциско, Калифорния, 24 сентября 1886 года следующее:

" ... 6 сентября генерал Майлз сообщает, что враждебно настроенные апачи пытались сдать через лейтенанта Гейтвуда капитану Лоутону. Они хотели определенных условий и послали ко мне (Майлзу) двух гонцов. Им сообщили, что они должны сдать в качестве военнопленных войскам на местах. Они пообещали сдать мне лично, и в течение одиннадцати дней команда капитана Лоутона продвигалась на север, Джеронимо и Найче двигались параллельно и часто разбивали лагерь неподалеку от этого места.... В Каньоне Скелетов они остановились, сказав, что желают увидеть меня (Майлза), прежде чем сдать".

После прибытия Майлза он сообщает следующее:

"Джеронимо вернулся из своего горного лагеря среди скал и сказал, что готов сдать. Ему сказали, что они могут сдать в плен; что офицеры армии не в обычае убивать своих врагов, которые сложили оружие".

" ... Найче был необузданным и подозрительным и, очевидно, боялся предательства. Он знал, что некогда знаменитый вождь Мангус-Колорадо много лет назад был подло убит после того, как сдался, и последний наследственный вождь враждебных апачей не решался отдать себя в руки бледнолицых...."

Продолжая свой доклад, генерал Ховард говорит:

" ... Сначала я полагал из официальных отчетов, что капитуляция была безоговорочной, за исключением того, что сами войска не стали бы убивать противников. Итак, из депеш генерала Майлза и из его ежегодного отчета, отправленного 21-го числа по почте, условия ясны: во-первых, должны быть сохранены жизни всех индейцев. Во-вторых, что они должны быть отправлены в Форт Марион, Флорида, где их племя, включая их семьи, уже получило приказ..."

Д. С. Стэнли, бригадный генерал, телеграфирует из Сан-Антонио, Техас, 22 октября 1886 г. следующее:

" ... Джеронимо и Найчи попросили о встрече со мной, когда впервые узнали, что им предстоит уехать отсюда, и в разговоре с ними я рассказал им, как именно они должны поступить. Они рассматривали разлучение со своими семьями как нарушение условий договора о капитуляции, по которому им самым позитивным образом, какой только мог прийти им в голову, гарантировалось воссоединение со своими семьями в форте Марион.

"При разговоре, который они вели со мной, присутствовали майор Дж. П. Райт, хирург армии Соединенных Штатов; капитан Дж. Г. Баллэнс, исполняющий обязанности судьи-адвоката армии Соединенных Штатов; Джордж Рэттон, [42] переводчик; Найче и Джеронимо.

В этом месте индейцев отделили от их семей; женщин, детей и двух разведчиков поместили в отдельную машину, прежде чем они уехали.

В беседе со мной они рассказали о следующем инциденте, который они рассматривают как существенную часть их договора о капитуляции и который произошел в Скелетон-Каньоне до того, как они, как группа, приняли решение сдаться, и до того, как кто-либо из них, за исключением, возможно, Джеронимо, сложил оружие, и когда они все еще были в состоянии убежать и защитить себя.

Генерал Майлз сказал им: "Вы едете со мной в Форт Боуи и в определенное время отправитесь навестить своих родственников во Флориде". После того, как они отправились в Форт Боуи, он заверил их, что они увидятся со своими родственниками во Флориде через четыре с половиной или пять дней.

Находясь в Skeleton Cañon, генерал Майлз сказал им: "Я пришел поговорить с вами". Разговор переводился с английского на испанский, с испанского на Apache *и наоборот*. Перевод с английского на испанский был выполнен человеком по имени Нельсон. Перевод с испанского на язык Apache был выполнен Хосе Марией Яскесом. Хосе Мария Монтойя также присутствовал, но он не переводил.

Присутствовали доктор Вуд, армия Соединенных Штатов, и лейтенант Клей, десятый пехотный полк.

Генерал Майлз провел линию на земле и сказал: "Это символизирует океан", и, положив небольшой камень рядом с линией, он сказал: "Это символизирует место, где находится Чиуауа со своим отрядом". Затем он поднял другой камень и поместил его недалеко от первого, сказав: "Это символизирует тебя, Джеронимо". Затем он поднял третий камень и поместил его немного поодаль от остальных, и сказал: "Это символизирует индейцев в лагере апачей. Президент хочет забрать вас и поместить рядом с чихуахуа". Затем он поднял камень, который символизировал Джеронимо и его группу, и положил его рядом с камнем, который символизировал Чихуахуа в Форт-Марионе. Сделав это, он поднял камень, символизирующий индейцев в лагере Апачи, и поместил его рядом с двумя другими камнями, символизирующими Джеронимо и Чиуауа в Форт-Марионе, и сказал: "Это то, что хочет сделать президент, собрать вас всех вместе".

После их прибытия в Форт Боуи генерал Майлз сказал им: "С этого момента мы хотим начать новую жизнь", - и, подняв одну руку с раскрытой горизонтальной ладонью, он провел по ней линии пальцем другой руки и сказал, указывая на свою раскрытую ладонь: "Это символизирует прошлое; оно все покрыто впадинами и выступами", затем, потерев ее другой ладонью, он сказал: "Это символизирует стирание прошлого, которое будет считаться гладким и забытым".

Переводчик Рэттон говорит, что он присутствовал и слышал этот разговор. Индейцы говорят, что капитан Томпсон, Четвертый кавалерийский полк, тоже присутствовал.

Найч сказал, что капитан Томпсон, исполняющий обязанности помощника генерального адъютанта департамента Аризона, сказал ему в его доме в Форт-Боуи: "Не бойся, тебе не причинят вреда. Вы хорошо поедете к своим друзьям". Он также сказал им, "что Форт Марион не очень большое место и, вероятно, недостаточно большое для всех, и что, вероятно, примерно через шесть месяцев вас переведут в место побольше, где вам будет лучше". Он сказал им то же самое, когда они садились в машины из Форт-Боуи.

"Представление, которое они имели о договоре о капитуляции, изложенном в этом письме, передается по их желанию, и, хотя я не желаю комментировать этот вопрос, я чувствую себя вынужденным сказать, что мое знание характера индейцев и опыт, который я имел с индейцами всех мастей, а также подтверждающие обстоятельства и факты, которые были доведены до моего сведения в этом конкретном случае, убеждают меня в том, что предыдущее заявление Найче и Джеронимо по существу верно ".

Эмма Туклонен

Выдержка из годового отчета (1886 г.) Тихоокеанской дивизии под командованием генерал-майора О. О. Ховарда армии США.

Штаб Тихоокеанской дивизии,
Президио Сан-Франциско, Калифорния,
17 сентября 1886 года.

Генерал-адъютант,
армия США, Вашингтон, Округ Колумбия:

"Генерал: Я имею честь представить следующий отчет о военных операциях и состоянии Тихоокеанского дивизиона для сведения генерал-лейтенанта и внести некоторые предложения для его рассмотрения:

* * * * *

17 мая 1885 года группа из примерно пятидесяти заключенных чирикауа, возглавляемая Джеронимо, Найче и другими вождями, сбежала из заповедника Уайт Маунтин в Аризоне и занялась убийствами и грабежами, не имеющими аналогов в истории набегов индейцев.

С тех пор и вплоть до моего вступления в командование этой дивизией войска преследовали их с переменным успехом.

"После убийства мексиканцами капитана Кроуфорда 11 января противники попросили о "беседе" и, наконец, провели совещание 25, 26 и 27 марта с генералом Крук в каньоне Лос-Эмбудос, в 25 милях к югу от Сан-Бернардино, Мексика, на последний день которого было решено, что лейтенант Манус со своим батальоном разведчиков доставит их в форт Боуи, Аризона.

Марш начался утром 28 марта и продолжался до ночи 29-го, когда, взволнованные страхом перед возможным наказанием, Джеронимо и Найчи с двадцатью мужчинами, четырнадцатью женщинами и двумя мальчиками в паническом бегстве устремились к холмам. Лейтенант Манус немедленно бросился в погоню, но безуспешно.

* * * * *

Одновременно с моим вступлением в командование дивизией бригадный генерал Крук был сменен бригадным генералом Майлзом, который сразу же приступил к выполнению задачи, начатой его предшественником.

"Джеронимо и его банда совершали грабежи то в Соединенных Штатах, то в Мексике, и, разделившись на небольшие группы, легко ускользали от войск и продолжали свое дело убийств и бесчинств.

В начале мая генерал Майлз разделил поле боевых действий противника на районы, в каждом из которых было свое командование войсками, с конкретными инструкциями охранять водоемы, покрывать всю территорию разведывательными группами и не давать противнику покоя.

"Эффективное командование под командованием капитана Четвертого кавалерийского полка Лоутона было организовано для длительного преследования.

"3 мая капитан Лебо, Десятый кавалерийский полк, вступил в бой с отрядом Джеронимо в 12 милях к юго-западу от Санта-Круса, в Мексике, потеряв одного солдата убитым и одного раненым. После этого сражения индейцы отступили на юг, сопровождаемые тремя отрядами кавалерии.

"12 мая серьезный бой мексиканских войск с противником близ Планшоса, Мексика, привел к частичному поражению мексиканцев.

15 мая командование капитана Хэтфилда вступило в бой с отрядом Джеронимо в горах Коррона, потеряв двух убитых и троих раненых, а также нескольких лошадей и мулов, индейцы потеряли нескольких убитыми.

"16 мая лейтенант Браун, Четвертый кавалерийский полк, нанес удар по противнику близ Буэна-Виста, Мексика, захватив несколько лошадей, винтовки и некоторое количество боеприпасов.

"Обычная серия нападений с утомительным преследованием войск продолжалась до 21 июня, когда мексиканцы вступили в бой с противником примерно в 40 милях к юго-востоку от Магдалены, Мексика, и после упорного боя отбросили их....

* * * * *

Примерно в середине августа Джеронимо и его отряд были настолько ослаблены и измотаны неустанным преследованием солдат, что предложили мексиканцам сдаться, но не пошли на условия.

Таким образом, их местоположение было точно известно, и войска были быстро распределены так, чтобы действовать совместно с мексиканцами, перехватить Джеронимо и заставить его сдаться.

"25 августа Джеронимо, находясь недалеко от Фронтераса, Мексика, осознав, что он довольно плотно окружен, и у него закончились боеприпасы и продовольствие, сделал предложение о капитуляции через лейтенанта Гейтвуда, Шестую кавалерийскую, капитану Лоутону. Он хотел выдвинуть определенные условия, но ему сообщили, что будет принята только капитуляция в качестве военнопленного.

Затем индейцы направились в район командования капитана Лоутона, недалеко от Скелет-Каньона, и сообщили, что желают видеть генерала Майлза.

3 сентября генерал Майлз прибыл в лагерь Лоутона, а 4 сентября Найче, сын Кочизе и наследственный вождь апачей, вместе с Джеронимо сдали всех противников, при том понимании, по-видимому, что их следует выслать из Аризоны.

"Я не проинформирован о точном характере этой капитуляции, которая поначалу считалась безоговорочной....

* * * * *

"Я, сэр, с большим уважением, ваш покорный слуга,

О. О. ховард,
генерал-майор армии Соединенных Штатов".

Заявление У. Т. Мелтона, Анадарко, Оклахома.

С 1882 по 1887 год я жил в южной Аризоне и работал в скотоводческой компании "Сансимоне".

В 1886 году я служил в Скелетон-Каньоне, примерно в 10 милях к северу от линии границы между Аризоной и Старой Мексикой, вместе с Дж. Д. Пруиттом. Нашим долгом было объезжать линии к югу от нашего ареала и не давать скоту Компании забредать в Старую Мексику.

Однажды днем, возвращаясь с прогулки, мы обнаружили индейскую тропу, ведущую к нашему лагерю. Мы поспешно съехали с холмов в широкую долину, чтобы лучше обнаружить атакующие отряды апачей и в случае нападения иметь хотя бы шанс побороться за свои жизни. Мы знали, что апачи под командованием Джеронимо вышли на тропу войны, но они были далеко в Старой Мексике. Однако наше знание индейцев заставило нас ожидать чего угодно в любое время — всегда быть готовыми к худшему.

Добравшись до долины, мы наткнулись на тропу кавалерии, которая также вела к нашему лагерю. Это вызывало недоумение, поскольку ни индейцы, ни солдаты, казалось, не ехали быстро, и обе тропы вели к нашему лагерю в Каньоне Скелетов. Этот каньон был естественным маршрутом из Старой Мексики в Аризону, и почти все группы индейцев, а также отряды войск Соединенных Штатов проходили через эту долину, направляясь в Старую Мексику или возвращаясь оттуда, но никогда раньше две враждебные группы не проходили здесь одновременно и не двигались в одном направлении, за исключением случаев, когда одна убегала, а другая преследовалась. Что это могло означать, было для нас загадкой. Могло ли быть так, что войска не видели индейцев? Пытались ли краснокожие обойти войска и напасть на них в их лагере? Охотились ли войска за этими индейцами? Мог ли это быть приказ Лоутона? Мог ли это быть отряд Джеронимо? Нет, это было невозможно. Тогда кто были эти войска и что это были за индейцы?

Мы осторожно добрались до нашего лагеря, и на двери нашей хижины было прибито следующее объявление:

"БУДЬ ОСТОРОЖЕН, ДЖЕРОНИМО РЯДОМ И ЕЩЕ НЕ СДАЛСЯ.

- КАПИТАН. ЛОУТОН.

Тогда мы поняли.

Недалеко от нашей хижины мы обнаружили лагерь солдат и только что закончили разговор с капитаном Лоутоном, который посоветовал нам оставаться в его лагере, а не рисковать оставаться одним в нашей хижине, когда подъехал вождь Джеронимо. Он был верхом на буром коне с пылающей мордой и в белых чулках.

Он подошел прямо к капитану Лоутону и через переводчика спросил, кто мы такие и чего хотим.

Как только объяснение было дано, он одобрительно кивнул и уехал.

Пруитт и я уехали с ним. Мы были хорошо вооружены и на хороших лошадях, а Джеронимо был на хороших лошадях, но, насколько мы могли видеть, безоружен. Я попытался поговорить с шефом (по-английски), но не смог заставить его понять. Пруитт хотел застрелить [43] его и сказал, что легко может убить его первым выстрелом, но я возразил и мне удалось его удержать. Пока мы спорили, вождь молча ехал между нами, очевидно, чувствуя себя в полной безопасности. Все это время мы ехали в направлении наших лошадей, которые паслись в

долине примерно в миле от нашего загона. Когда мы подъехали к месту примерно в полумиле от лагеря Лоутона, где отрог горы уходил далеко в долину, Джеронимо свернул в сторону, отдал честь, сказал на довольно хорошем испанском: "*Адьюс, сеньоры*", - и начал подниматься по горной тропинке. Позже мы узнали, что он направлялся прямо к своему лагерю высоко среди скал. Мы поехали дальше, загнали наших лошадей обратно в загон и оставались в нашей хижине всю ночь, но индейцы нас не трогали.

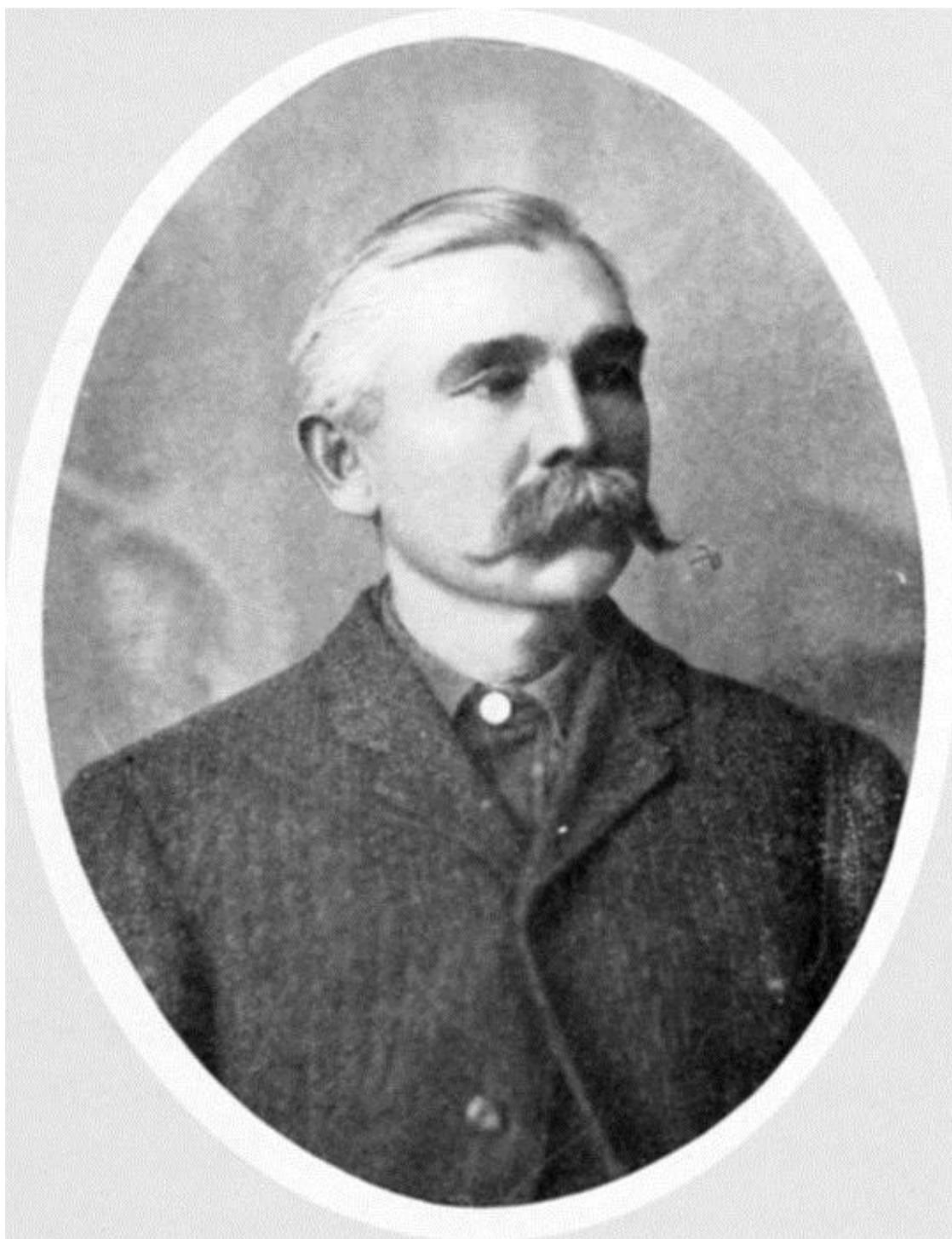
На следующий день мы убили трех бивней для индейцев, и капитан Лоутон заплатил за них. На второй день в лагерь Лоутона прибыли два мексиканских разведчика на лошадях. Как только эти мексиканцы показались в поле зрения, индейцы схватили их за оружие и как бы исчезли среди скал.

Капитан Лоутон составил отчет об условиях и передал его мексиканцам, которые отступили. После того как они ушли и Джеронимо объяснили их миссию, индейцы снова вернулись в свой лагерь и сложили оружие.

На следующий день в лагерь пришла весть о приближении генерала Майлза, индейцы снова вооружились и скрылись среди скал. (У многих скво апачей были полевые бинокли [44] и они каждый день размещались на выдающихся горных вершинах для наблюдения. Никто не мог приблизиться к их лагерю или к лагерю Лоутона, не будучи обнаруженным этими шпионами.)

Вскоре после того, как генерал Майлз присоединился к командованию Лоутона, Джеронимо въехал в лагерь безоружным и, спешившись, подошел к генералу Майлзу, пожал ему руку, а затем гордо встал перед офицерами, ожидая, когда генерал Майлз начнет с ним разговор.

Переводчик сказал Джеронимо: "Генерал Майлз - ваш друг". Джеронимо сказал: "Я никогда его не видел, но я нуждался в друзьях. Почему он не был со мной?" Когда этот ответ был истолкован, все рассмеялись. После этого больше не было формальностей, и без промедления началось обсуждение договора. Все, что я отчетливо помню из договора, - это то, что Джеронимо и его группа не должны были быть убиты, но их должны были доставить к их семьям.

*У. Ф. Мелтон ,
В лагере которого в Скелетон - Каньон сдался Джеронимо*

Я помню это более отчетливо, потому что индейцы были очень довольны именно этим пунктом договора.

Джеронимо, Найче и еще несколько человек ушли вперед с генералом Майлзом, но основной отряд индейцев ушел под эскортом войск Лоутона.

В ночь перед их отъездом молодая скво, невестка Джеронимо, родила ребенка. На следующее утро муж, сын Джеронимо, вынес ребенка, но мать без посторонней помощи села на своего пони и уехала без посторонней помощи — военнопленная под конвоем военных.

Во второй половине дня заключения договора капитан Лоутон соорудил памятник (около десяти футов в поперечнике и шести футов высотой) из необработанных камней на том месте, где был заключен договор. На следующий год несколько ковбоев во время облавы разбили лагерь на этом месте и снесли памятник, чтобы посмотреть, что в нем находится. Все, что они нашли, - это бутылку, в которой был листок бумаги, на котором были написаны имена офицеров, находившихся с Лоутоном.

После ухода индейцев мы нашли сто пятьдесят долларов и двадцать пять центов (150,25 доллара) мексиканскими деньгами, спрятанными в крысином гнезде [45] недалеко от того места, где индейцы разбили лагерь.

Около десяти часов утра, после того как апачи и солдаты ушли, двадцать индейцев племени пимос в сопровождении одного белого человека окружили наш лагерь и потребовали сообщить о местонахождении Джеронимо. Мы рассказали им о договоре, и они пошли по тропе в сторону форта Боуи.

В тот день, решив, что вся опасность со стороны апачей миновала, мой напарник Пруитт отправился осматривать рубежи, а я остался в лагере один. Я качал воду (с помощью лошадиной силы) из колодца, когда примерно в полумиле отсюда увидел трех индейцев, загонявших наших лошадей. Они увидели меня, но не потревожили, и я не мешал им, но как только они погнали эту группу лошадей на север за холм, скрывшись из виду, я быстро поскакал в другом направлении и загнал другую группу лошадей в загон. Остаток дня я оставался в лагере, но больше индейцев не видел.

На следующий день мы поехали через холм в том направлении, куда ушли эти индейцы, и обнаружили, что они разбили лагерь менее чем в трех милях от нас. Очевидно, в отряде было несколько человек, и они спрятали разведчиков на вершине холма, чтобы наблюдать за мной и застрелить меня из засады, если бы я последовал за ними. Мы знали это, потому что увидели за несколькими камнями на гребне холма в рыхлой почве отпечатки, оставленные телами трех воинов, там, где они лежали в укрытии.

В их лагере мы нашли голову и копыта моей любимой лошади "Диггер", прекрасного маленького гнедого пони, и поняли, что он подавал их на ужин. Мы шли по их следам далеко в Старую Мексику, но так и не догнали их. Мы привыкли говорить "это была группа Джеронимо" всякий раз, когда совершалось какое-либо ограбление, но на этот раз мы не были так уверены.

* * * * *

Мы не хотим выражать наше собственное мнение, но хотим спросить читателя, можно ли после получения показаний апачей, солдат и гражданских лиц, которые знали условия капитуляции, и после тщательного изучения представленных показаний заключить, что Джеронимо безоговорочно сдался?

Прежде чем перейти от этой темы, было бы неплохо также подумать, обращалось ли наше правительство с этими заключенными в строгом соответствии с условиями договора, заключенного в Скелет-Каньоне.

СНОСКИ:

[42] Мистер Джордж Раттон сейчас находится в Форт-Силле, Оклахома, исполняя обязанности суперинтенданта Apaches. Он был с апачами в качестве переводчика и суперинтенданта с момента их капитуляции.

[43] Недавно мистер Мелтон рассказал Джеронимо об этом разговоре. Хитрый старый вождь застенчиво рассмеялся и сказал: "Что, если бы пистолет Пруитта выбили у него из рук? Другие люди пытались застрелить меня, и по крайней мере некоторым из них это не удалось. Но я рад, что он этого не сделал.

[44] Эти полевые бинокли были отобраны у солдат и офицеров (мексиканцев и американцев), убитых апачами.

[45] Это было гнездо из палок, построенное на поверхности земли разновидностью лесной крысы.

ГЛАВА XIX

ВОЕННОПЛЕННЫЙ

Когда я сдался правительству, они отправили меня на Южно-Тихоокеанскую железную дорогу, отвезли в Сан-Антонио, штат Техас, и держали там, чтобы судить по своим законам.

Через сорок дней они перевезли меня оттуда в Форт Пикенс (Пенсакола), Флорида. Здесь они заставили меня распиливать большие бревна. Со мной было еще несколько воинов-апачей, и всем нам приходилось работать каждый день. Почти два года нас держали на каторжных работах в этом месте, и мы не видели своих семей до мая 1887 года. Такое обращение было прямым нарушением нашего договора, заключенного в Скелетон-Каньоне.

После этого нас отправили с нашими семьями в Вермонт, штат Алабама, где мы пробыли пять лет и работали на правительство. У нас не было собственности, и я напрасно надеялся, что генерал Майлз отправит меня в ту страну, о которой он говорил; напрасно я тосковал по орудиям труда, дому и скоту, которые обещал мне генерал Майлз.

В это время один из моих воинов, Фан, убил себя и свою жену. Другой застрелил свою жену, а затем застрелился сам. Он упал замертво, но женщина пришла в себя и все еще жива.

Мы не были здоровы в этом месте, потому что климат нам не подходил. Погибло так много наших людей, что я согласился отпустить одну из моих жен жить в агентство "Мескалеро" в Нью-Мексико. Это расставание, согласно нашим обычаям, равносильно тому, что белые люди называют разводом, и поэтому она снова вышла замуж вскоре после того, как попала в Мескалеро. Она также оставила двух наших маленьких детей, на что имела полное право. Дети,

Ленна и Робби, все еще живут в Мескалери, Нью-Мексико. Ленна замужем. У меня была одна жена, но сейчас она мертва, и со мной осталась только наша дочь Ева. С тех пор как я расстался с матерью Ленны, у меня никогда не было больше одной жены одновременно. После смерти матери Евы я женился на другой женщине (декабрь 1905 г.), но мы не смогли жить счастливо и расстались. Она вернулась домой к своему народу — это развод апачей.

Затем, [46] как и сейчас, мистер Джордж Раттон руководил индейцами. У него всегда были проблемы с индейцами, потому что он плохо обращался с ними. Однажды индеец, будучи пьяным, ударил мистера Раттона маленьким ножом. Ответственный офицер встал на сторону мистера Раттона, и индеец был отправлен в тюрьму.

Когда [47] мы впервые прибыли в Форт Силл, командовал капитан Скотт, и правительство построило для нас дома. Нам также выделили от правительства крупный рогатый скот, свиней, индеек и цыплят. Индейцы не очень хорошо обращались со свиньями, потому что не понимали, как за ними ухаживать, и не многие индейцы даже в настоящее время держат свиней. С индюшками и курами у нас получилось лучше, но с ними нам повезло меньше, чем белым людям. Со скотом у нас действительно все хорошо, и нам нравится его разводить. У нас тоже есть несколько лошадей, и с ними нам не повезло.

В вопросе продажи [48] наших запасов и зерна возникло много недоразумений. Индейцы понимали, что скот должен быть продан, а деньги переданы им, но вместо этого часть денег отдается индейцам, а часть помещается в то, что офицеры называют "Фондом апачей". У нас здесь было пять разных офицеров, командовавших индейцами, и все они правили очень похоже — не советуясь с апачами и даже не объясняя им ничего. Возможно, правительство приказало ответственным офицерам перевести эти деньги за скот в фонд Apache, потому что однажды я пожаловался и сказал лейтенанту Пурингтону [49], что я намеревался сообщить правительству, что он взял часть моей части денег за скот и положил их в Фонд Apache, он сказал, что ему все равно, скажу я или нет.

Несколько лет назад выпуск одежды прекратился. Возможно, это тоже было сделано по приказу правительства, но апачи этого не понимают.

Если есть Фонд апачей, то когда-нибудь он должен быть передан индейцам, или по крайней мере, у них должен быть счет о нем, поскольку это их заработок.

Когда генерал Майлз в последний раз посещал Форт Силл, я попросил освободить меня от работы по причине моего возраста. Я также вспомнил, что генерал Майлз обещал мне в договоре, и рассказал ему об этом. Он сказал, что мне больше не нужно работать, за исключением тех случаев, когда я сам этого захочу, и с тех пор мне не поручали никакой работы. Однако с тех пор я много работал, потому что, хотя я и стар, мне нравится работать [50] и помогать своим людям, насколько это в моих силах.

СНОСКИ:

[46] Это слова не редактора, а Джеронимо.

[47] Они были в Алабаме с мая 1888 по октябрь 1894 года.

[48] Индейцам самим не разрешается продавать скот. Когда скот готов к продаже, его продает ответственный офицер, часть денег выплачивается индейцам, которым он принадлежал, а часть

помещается в общий фонд (Apache). Припасы, сельскохозяйственные орудия и т.д. для апачей оплачиваются из этого фонда.

[49] Критика лейтенанта Пурингтона исходит от Джеронимо. Редактор не несет за нее никакой ответственности, как и во всех случаях, когда "Старый воин" критикует отдельных людей.

[50] Джеронимо помогает заготавливать сено и ухаживать за скотом, но не получает приказов от Управляющего индейцами.

ЧАСТЬ IV

СТАРОЕ И НОВОЕ

ГЛАВА XX

НЕПИСАНЫЕ ЗАКОНЫ АПАЧЕЙ

Испытания

Когда индеец был обижен членом своего племени, он может, если не желает лично решать возникшую проблему, подать жалобу Вождю. Если он не может встретиться с нарушителями лично и пренебрегает возможностью подать жалобу, любой может вместо него сообщить начальнику о таком поведении, и тогда возникает необходимость в проведении расследования или судебного разбирательства. Как обвиняемый, так и обвиняющий имеют право на свидетелей, и их свидетелей никоим образом не прерывают вопросами, а просто говорят то, что они хотят сказать по данному вопросу. Свидетели не приводятся к присяге, поскольку не считается, что они будут давать ложные показания по делу, касающемуся их собственного народа.

Вождь племени председательствует на этих испытаниях, но если речь идет о серьезном проступке, он просит двух или трех вождей сесть рядом с ним. Они просто определяют, виновен человек или нет. Если он невиновен, дело прекращается, и сторона, подавшая жалобу, утрачивает свое право на личную месть, поскольку, если он хочет отомстить сам, он должен возражать против судебного разбирательства, которое предотвратило бы это. Если обвиняемый признан виновным, потерпевшая сторона назначает наказание, которое, как правило, подтверждается начальником и его помощниками.

Усыновление детей

Если какие-либо дети остались сиротами в результате войны или иным образом, то есть если оба родителя умерли, вождь племени может усыновить их или отдать кому-либо по своему

желанию. В случае с индейцами, объявленными вне закона, они могут, если пожелают, взять своих детей с собой, но если они оставят детей в племени, вождь решает, что с ними делать, но на детях не лежит никакого позора.

"Соленое озеро"

Мы добывали соль из небольшого озера в горах Гила. Это очень маленькое озеро с чистой, неглубокой водой, а в центре над поверхностью воды возвышается небольшой холмик. Вода слишком соленая для питья, а дно озера покрыто коричневой коркой. Когда эта корка разрушается, к ней прилипают кусочки соли. Эти кусочки соли можно отмыть до прозрачности в воде этого озера, но при промывании в другой воде они растворятся.

При посещении этого озера нашим людям не разрешалось даже убивать дичь или нападать на врага. Все существа могли свободно уходить и возвращаться, не подвергаясь преследованиям.

Подготовка воина

Чтобы быть принятым в качестве воина, юноша должен четырежды выходить с воинами своего племени на тропу войны.

В первом путешествии ему будут давать только очень плохую пищу. Этим он должен довольствоваться без ропота. Ни в одном из четырех походов ему не разрешается выбирать пищу, как это делают воины, но он должен есть ту пищу, которая ему разрешена.

В каждой из этих экспедиций он выступает в роли слуги, ухаживает за лошадьми, готовит еду и выполняет любые обязанности, которые должен выполнять без приказа. Он знает, что нужно делать, и должен делать это, не дожидаясь указаний. Ему не разрешается разговаривать ни с одним воином, кроме как отвечая на вопросы или когда ему скажут говорить.

Ожидается, что во время этих четырех войн он выучит священные названия всего, что используется на войне, поскольку после того, как племя вступает на тропу войны, никакие общие названия не используются для обозначения чего-либо, каким-либо образом относящегося к войне. Война - это торжественное религиозное дело.

Если после четырех походов все воины будут удовлетворены тем, что юноша был трудолюбив, не высказывался не по порядку, был осмотрителен во всем, проявил храбрость в битве, безропотно перенес все трудности и не проявил ни малейшего признака трусости или слабости любого рода, он может быть признан воином голосованием совета; но если какой-либо воин будет возражать против него по какой-либо причине, он будет подвергнут дальнейшим испытаниям, и если он мужественно выдержит их, его имя может быть предложено снова. Когда он неопровержимо докажет, что может переносить трудности без жалоб и что ему чужд страх, его принимают в совет воинов самого низкого ранга. После этого формального испытания для продвижения по службе не проводится, но по общему согласию он занимает должность на поле боя, и если эта должность поддерживается с честью, ему разрешается сохранить ее, и его могут попросить или он может добровольно занять более высокое положение, но ни один воин не осмелился бы занять более высокое положение, если бы у него не было гарантий от вождя племени, что его поведение на первой должности было достойно похвалы.

С этого момента единственными выборами совета на официальном собрании являются выборы главы.

Старикам не разрешается руководить в бою, но к их советам всегда прислушиваются. Старость означает потерю физической силы и фатальна для активного лидерства.

Танцы

Все танцы считаются религиозными церемониями, и ими руководят вождь и знахари. Они носят социальный или военный характер, но никогда не лишены некоторых священных характеристик.

Танец в честь Дня Благодарения

Каждое лето мы собирали плоды юкки, измельчали их в порошок и лепили из них лепешки; затем все племя собиралось, чтобы попить, спеть песни и воздать хвалу Усену. Все произносили благодарственные молитвы. Когда начались танцы, ведущие несли эти пироги и время от времени добавляли слова похвалы к обычным звукам музыки.

Чихуахуа и семья

Танец войны

После того, как совет воинов все обсудит и подготовится к выходу на тропу войны, начинался танец. В этом танце есть обычное пение, возглавляемое воинами и сопровождаемое ударами в

"эсададин", но танец более жестокий, а крики и боевые кличи иногда почти заглушают музыку. В этом танце участвовали только воины.

Танец Скальпа

После возвращения военного отряда проводится модификация военного танца. Воины, принесшие скальпы с полей сражений, демонстрируют их племени, и когда начинается танец, эти скальпы, насаженные на шесты или копья, разносят вокруг лагерных костров во время танца. Во время этого танца все еще сохраняется некоторая торжественность танца войны. Раздаются крики и боевые кличи, часто сопровождаемые выстрелами из огнестрельного оружия, но в танце войны всегда больше легкомыслия, чем допустимо. После окончания танца скальпов скальпы выбрасываются. Ни один апач не стал бы хранить их, потому что они считаются оскверняющими.

Социальный танец

В начале сентября 1905 года я объявил среди апачей, что моя дочь Ева, повзрослев, должна теперь отбросить ребячество и занять свое положение юной леди. На танцах племени она дебютировала бы, и тогда или после этого воину подобало бы просить ее руки. Соответственно, всем апачам, а также многим команчам и кайова были разосланы приглашения собраться для грандиозных танцев на лужайке у южного берега Медисин-Крик, недалеко от деревни Найче, бывшего вождя апачей чоконен, в первую ночь полнолуния в сентябре. Празднества должны были продолжаться два дня и две ночи. При подготовке не было упущено ничего, что могло бы способствовать удовольствию гостей или совершенству соблюдения религиозного обряда.

Чтобы подготовиться к танцам, траву на большом круглом пространстве тщательно подстригли.

Пением руководил вождь Найче, а я с помощью наших знахарей руководил танцем.

Сначала Ева выступила из числа женщин и один раз станцевала вокруг костра; затем, в сопровождении другой молодой женщины, она снова выступила вперед, и обе дважды станцевали вокруг костра; затем она и две другие молодые леди выступили вперед и трижды станцевали вокруг костра; в следующий раз она и три другие молодые леди выступили вперед и четыре раза станцевали вокруг костра; эта церемония длилась около часа. Затем вошли шаманы, раздетые по пояс, их тела были фантастически раскрашены, и они станцевали священные танцы. За ними последовали клоуны, которые очень позабавили публику.

Затем члены племени взяли за руки и долго танцевали по кругу вокруг лагерного костра. Всех друзей племени пригласили принять участие в этом танце, и когда он закончился, многие старики удалились, и начался "танец влюбленных".

Воины встали в середину круга, а дамы по двое вышли вперед и попросили какого-нибудь воина потанцевать с ними. Танцы проходили взад-вперед по линии от центра к внешнему краю круга. Воин повернулся лицом к двум дамам, и когда они протанцевали вперед, к центру, он протанцевал назад; затем они протанцевали назад, к внешнему краю, и он последовал за ними лицом к ним. Это продолжалось два или три часа, а затем музыка сменилась. Воины немедленно снова собрались в центре круга, и на этот раз каждая дама выбрала себе в партнеры воина. Манера танцевать была такой же, как и прежде, только танцевали вместе двое вместо троих. Во время этого танца, который продолжался до рассвета, воин (если танцевал с

девушкой) мог предложить [51] брак, и если девушка соглашалась, он вскоре консультировался с ее отцом и заключал для нее сделку.

Во всех подобных случаях, когда танец заканчивается, каждый воин дарит подарок даме, которая выбрала его в качестве партнера и танцевала с ним. Если она довольна подарком, он прощается, если нет, дело передается кому-то из авторитетных лиц (знахарю или вождю), который решает вопрос о том, что является подходящим подарком.

Для замужней дамы стоимость подарка должна составлять два-три доллара; для девушки подарок должен иметь стоимость не менее пяти долларов. Однако часто девушка получает очень ценный подарок.

Во время "танца влюбленных" знахари смешиваются с танцующими, чтобы отогнать злых духов.

Возможно, у меня больше никогда не будет повода собирать наших людей танцевать, но эти светские танцы при лунном свете были большой частью нашего удовольствия в прошлом, и я думаю, что они не скоро прекратятся, по крайней мере, я надеюсь.

СНОСКА:

[51] Воины-апачи не "ухаживают", как это делает наша молодежь. Ассоциации в деревнях предоставляют широкие возможности для знакомства, и организация браков считается деловой сделкой, но вежливость в виде консультации с девушкой, хотя и не обязательна, считается очень вежливой.

ГЛАВА XXI

НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

Когда меня впервые пригласили посетить всемирную выставку в Сент-Луисе, я не хотел ехать. Позже, когда мне сказали, что я получу хорошее внимание и защиту, и что президент Соединенных Штатов сказал, что все будет в порядке, я согласился. Меня держали лица, ответственные за Департамент по делам Индии, которые получили разрешение президента. Я оставался в этом месте шесть месяцев. Я продал свои фотографии за двадцать пять центов, и мне разрешили оставить десять центов из них себе. Я также писал свое имя за десять, пятнадцать или двадцать пять центов, в зависимости от обстоятельств, и оставлял все эти деньги себе. Я часто зарабатывал до двух долларов в день, и когда я возвращался, у меня было много денег — больше, чем у меня когда-либо было раньше.

Многие люди в Сент-Луисе приглашали меня приехать к ним домой, но мой сторож всегда отказывался.

Каждое воскресенье президент ярмарки приглашал меня на шоу "Дикий запад". Я участвовал в соревнованиях по канатному спорту перед публикой. Там было много других индейских племен и странных людей, о которых я никогда не слышал.

Когда люди впервые приехали на Всемирную выставку, они только и делали, что расхаживали взад-вперед по улицам. Когда им это надоедало, они посещали выставки. На этих представлениях было много странных вещей. Правительство отправило со мной охрану, когда я уезжал, и мне никуда не разрешалось ходить без них.

В одном из шоу у каких-то странных мужчин [52] у красных колпаков были какие-то странные мечи, и они, казалось, хотели подраться. В конце концов их менеджер сказал им, что они могут подраться друг с другом. Они пытались ударить друг друга этими мечами по голове, и я ожидал, что оба будут ранены или, возможно, убиты, но ни один из них не пострадал. Их было бы трудно убить в рукопашной схватке.

В другом шоу был странного вида негр. Менеджер крепко связал ему руки, а затем привязал к стулу. Он был надежно связан, потому что я сам смотрел и не думал, что он сможет вырваться. Тогда управляющий сказал ему, чтобы он освободился.

Он на мгновение повернулся в кресле, а затем встал; веревки все еще были связаны, но он был свободен. Я не понимаю, как это было сделано. Это, безусловно, была чудесная сила, потому что ни один человек не смог бы освободиться собственными усилиями.

В другом месте мужчина стоял на платформе и обращался к аудитории; они поставили корзину сбоку от платформы и накрыли ее красным ситцем; затем подошла женщина и забралась в корзину, а мужчина снова накрыл корзину ситцем; затем мужчина, который обращался к аудитории, взял длинный меч и проткнул им корзину со всех сторон, а затем вниз через матерчатую крышку. Я слышал, как меч пронзил тело женщины, и сам распорядитель сказал, что она мертва; но когда ткань была извлечена из корзины, она вышла, улыбнулась и ушла со сцены. Я хотел бы знать, как она так быстро исцелилась и почему раны не убили ее.

Я никогда не считал медведей очень умными, за исключением их диких повадок, но я никогда раньше не видел белого медведя. В одном из шоу у мужчины был белый медведь, который был так же умен, как и человек. Он делал все, что ему говорили, — нес бревно на плече, как это сделал бы мужчина; затем, когда ему говорили, опускал его снова. Он делал много других вещей и, казалось, точно знал, что говорит ему его сторож. Я уверен, что ни одного медведя гризли невозможно обучить делать такие вещи.

Миссис Аса Деклуджи Ева Джеронимо

Племянница Джеронимо и дочь
Чиуауа, знаменитого
вождя

апачей Младшая дочь Джеронимо,
16 лет

Однажды охранники привели меня в маленький дом [53] в котором было четыре окна. Когда мы сели, маленький домик начал двигаться по земле. Затем охранники обратили мое внимание на некоторые любопытные вещи, которые были у них в карманах. Наконец они велели мне выглянуть наружу, и когда я это сделал, мне стало страшно, потому что наш маленький дом взлетел высоко в воздух, а люди внизу, на Территории Ярмарки, казались не крупнее муравьев. Солдаты смеялись надо мной за то, что я испугался; потом они дали мне посмотреть в подзорную трубу (у меня часто были такие подзорные трубы, которые я снимал с погибших офицеров после сражений в Мексике и других местах), и я смог увидеть реки, озера и горы. Но я никогда не был так высоко в воздухе и попытался посмотреть в небо. Звезд не было, и я не мог смотреть на солнце через это стекло, потому что от яркого света болели глаза. Наконец я поставил стакан, и, поскольку все они смеялись надо мной, я тоже начал смеяться. Потом они сказали: "Убирайся!" - и когда я оглянулся, мы снова были на улице. После того, как мы оказались в безопасности на суше, я наблюдал, как многие из этих маленьких домиков поднимаются и опускаются, но я не могу понять, как они перемещаются. Это очень любопытные домики.

Однажды мы пошли на другое шоу, и как только мы пришли, наступила ночь. Это была настоящая ночь, потому что я чувствовал влажный воздух; вскоре загредел гром, и засверкали молнии; это тоже была настоящая молния, потому что она ударила прямо у нас над головами. Я увернулся и хотел убежать, но не мог сказать, в какую сторону идти, чтобы выбраться. Охранники сделали мне знак не двигаться, и я остался. Перед нами были какие-то странные маленькие люди, которые вышли на платформу; потом я снова поднял глаза, и все облака исчезли, и я увидел сияющие звезды. Маленькие люди на платформе, казалось, несерьезно относились ко всему, что они делали; поэтому я только смеялся над ними. Все люди вокруг, где мы сидели, казалось, смеялись надо мной.

Мы перешли в другое место, и менеджер провел нас в маленькую комнату, сделанную наподобие клетки; затем все вокруг нас, казалось, пришло в движение; вскоре воздух стал голубым, затем появились черные облака, гонимые ветром. Довольно скоро на улице прояснилось; затем мы увидели несколько тонких белых облаков; затем облака стали гуще, и пошел дождь с громом и молниями. Затем гром отступил, и вдалеке появилась радуга; затем стало темно, взошла луна и появились тысячи звезд. Вскоре взошло солнце, и мы вышли из маленькой комнаты. Это было хорошее шоу, но оно было таким странным и неестественным, что я был рад снова оказаться на улице.

Мы зашли в одно заведение, где изготавливают стеклянную посуду. Я всегда думал, что все это делается вручную, но это не так. У этого человека был любопытный маленький инструмент, и всякий раз, когда он дул на него, образуя небольшое пламя, стекло принимало любую форму, какую он хотел. Я не уверен, но думаю, что если бы у меня был такой инструмент, я мог бы делать все, что пожелаю. Кажется, в этом есть какое-то очарование. Но я полагаю, что достать эти

маленькие инструменты очень трудно, иначе они были бы у других людей. Люди на этом шоу так стремились купить вещи, сделанные этим человеком, что заставляли его быть настолько занятым, что он не мог присесть весь день напролет. Я купил там много любопытных вещиц и принес их с собой домой.

В конце одной из улиц какие-то люди садились в неуклюжее каноэ, стоявшее на чем-то вроде отмели, и соскальзывали в воду. [54] Казалось, им это понравилось, но для меня это выглядело слишком жестоко. Если бы одно из этих каноэ сошло с пути, люди наверняка были бы ранены или убиты.

Там были какие-то маленькие коричневые человечки [55] на Ярмарке, которую недавно захватили войска Соединенных Штатов на некоторых островах далеко отсюда. Недавно на ярмарке, захваченной войсками Соединенных Штатов.

На них было мало одежды, и я думаю, что им не следовало разрешать приходить на Ярмарку. Но сами они, похоже, не знали ничего лучшего. У них было несколько маленьких медных пластинок, и они пытались играть на них музыку, но я не думал, что это музыка — это была всего лишь погремушка. Тем не менее, они танцевали под этот шум и, казалось, думали, что устраивают прекрасное шоу.

Я не знаю, насколько правдиво это сообщение, но я слышал, что президент отправил их на Ярмарку, чтобы они могли научиться хорошим манерам, а когда вернутся домой, научить своих людей одеваться и вести себя.

Я рад, что побывал на Ярмарке. Я увидел много интересного и многое узнал о белых людях. Они очень добрые и миролюбивые люди. За все время, что я был на Ярмарке, никто не пытался причинить мне никакого вреда. Если бы это было среди мексиканцев, я уверен, мне пришлось бы часто защищаться.

Я хотел бы, чтобы все мои люди смогли присутствовать на Ярмарке. [56]

СНОСКИ:

[52] Турецкий.

[53] Колесо обозрения.

[54] Запуск парашюта.

[55] Иггорротес из Филиппин.

[56] Джеронимо также водили на выставки в Омаху и Баффало, но в тот период своей жизни он был угрюмым и ничем не интересовался. Выставка в Сент-Луисе была проведена после того, как он принял христианскую религию и начал пытаться понять нашу цивилизацию.

ГЛАВА XXII

Религия

В нашем первобытном богослужении только наши отношения к Узену и членам нашего племени рассматривались как относящиеся к нашим религиозным обязанностям. Что касается будущего состояния, то учения нашего племени не были конкретными, то есть у нас не было определенного представления о наших отношениях и окружении в загробной жизни. Мы верили, что есть жизнь после этой, но никто никогда не говорил мне, какая часть человека живет после смерти. Я видел, как умерло много людей; я видел, как разлагалось много человеческих тел, но я никогда не видел той части, которая называется духом; я не знаю, что это такое; и я еще не был способен понять эту часть христианской религии.

Мы считали, что исполнение своего долга сделает его будущую жизнь более приятной, но была ли эта будущая жизнь хуже, чем эта жизнь, или лучше, мы не знали, и никто не мог нам сказать. Мы надеялись, что в будущей жизни восстановятся семейные и племенные отношения. В каком-то смысле мы верили в это, но не знали этого.

Однажды, когда я жил в резервации Сан-Карлос, один индеец рассказал мне, что, лежа без сознания на поле боя, он на самом деле был мертв и перешел в страну духов.

Сначала он подошел к тутовому дереву, растущему из пещеры в земле. Перед этой пещерой стоял стражник, но когда он приблизился без страха, стражник пропустил его. Он спустился в пещеру, и немного дальше тропинка расширилась и уперлась в отвесную скалу шириной во много сотен футов и равной ей по высоте. Света было мало, но, заглянув прямо под себя, он обнаружил кучу песка, поднимающуюся из глубины на расстояние двадцати футов от вершины скалы, на которой он стоял. Держась за куст, он спрыгнул с края скалы и спрыгнул на песок, быстро заскользив вниз по ее крутому склону в темноту. Он приземлился в узком проходе, идущем прямо на запад через каньон, который постепенно становился все светлее и светлее, пока он не смог видеть так же хорошо, как при дневном свете; но солнца не было. Наконец он добрался до участка этого прохода, который на небольшом расстоянии был шире, а затем резко обрывался и продолжался узкой тропинкой; как раз там, где этот участок сужался, две огромные змеи свернулись кольцами и, подняв головы, зашипели на него, когда он приблизился, но он не выказал страха, и как только он приблизился к ним, они тихо отступили и дали ему пройти. В следующем месте, где проход переходил в более широкую секцию, два медведя гризли приготовились напасть на него, но когда он подошел и заговорил с ними, они расступились, и он прошел невредимым. Он продолжал идти по узкому проходу, и в третий раз он расширился, и на пути ему попались два горных льва, но когда он без страха приблизился к ним и заговорил с ними, они тоже отступили. Он снова вошел в узкий проход. Некоторое время он шел по ней, оказавшись в четвертой секции, за пределами которой ничего не мог разглядеть: дальнейшие стены этой секции через равные промежутки времени сталкивались друг с другом с оглушительными звуками, но когда он приблизился к ним, они стояли врозь, пока он не прошел мимо. После этого ему показалось, что он находится в лесу, и, следуя естественным тропинкам, которые вели на запад, он вскоре очутился в зеленой долине, где стояло лагерем много индейцев и было много дичи. Он сказал, что видел и узнал многих, кого знал в этой жизни, и что ему было жаль, когда его привели в сознание.

Я сказал ему, что если бы я знал, что это правда, я бы не захотел прожить еще один день, но каким-то образом, пусть даже своими собственными руками, я бы умер, чтобы насладиться этими удовольствиями. Я сам лежал без сознания на поле боя, и, находясь в таком состоянии, у меня были некоторые странные мысли или переживания; но они очень смутные, и я не могу вспомнить их достаточно хорошо, чтобы рассказать о них. Многие индейцы поверили этому воину, и я не могу сказать, что он не говорил правды. Хотел бы я знать, что то, что он сказал, несомненно, правда. Но, возможно, это и к лучшему, что мы не уверены.

Готов к посещению Церкви

С тех пор, как началась моя жизнь в плену, я слышал учения религии белых людей и во многих отношениях считаю ее лучше религии моих отцов. Однако я всегда молился и верю, что Всевышний всегда защищал меня.

Веря, что с мудрой точки зрения ходить в церковь полезно и что общение с христианами улучшит мой характер, я принял христианскую религию. [57] Я верю, что церковь очень помогла мне за то короткое время, что я был ее членом. Мне не стыдно быть христианином, и я рад знать, что президент Соединенных Штатов - христианин, ибо без помощи Всемогущего я не думаю, что он мог бы правильно судить, управляя столькими людьми. Я посоветовал всем моим людям, которые не являются христианами, изучать эту религию, потому что мне кажется, что это лучшая религия, позволяющая человеку жить правильно.

СНОСКА:

[57] Джеронимо присоединился к голландской реформатской церкви и был крещен летом 1903 года. Он регулярно посещает службы в миссии Апачи в военной резервации Форт-Силл.

ГЛАВА XXIII

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

Я благодарен президенту Соединенных Штатов за то, что он разрешил мне рассказать свою историю. Я надеюсь, что он и те, кто находится у власти под его началом, прочтут мою историю и рассудят, правильно ли обошлись с моим народом.

Между апачами и правительством существует серьезный спор. В течение двадцати лет мы были военнопленными по договору, который был заключен с генералом Майлзом со стороны правительства Соединенных Штатов и со мной как представителем апачей. Этот договор не всегда должным образом соблюдался правительством, хотя в настоящее время оно приближается к его выполнению с их стороны в большей степени, чем раньше. В договоре с генералом Майлзом мы договорились уехать за пределы Аризоны и научиться жить так, как живут белые люди. Я думаю, что мой народ теперь способен жить в соответствии с законами Соединенных Штатов, и мы, конечно, хотели бы иметь свободу вернуться на эту землю, которая принадлежит нам по божественному праву. Нас стало меньше, и, научившись возделывать почву, мы не потребовали бы столько земли, сколько было необходимо раньше. Мы просим не всю землю, которую Всевышний дал нам в самом начале, но чтобы у нас было там достаточно земель для обработки. Мы рады, что белые люди выращивают то, в чем мы не нуждаемся.

Сейчас нас удерживают на землях команчей и кайова, которые не подходят для наших нужд — эти земли и этот климат, конечно, подходят для индейцев, которые изначально населяли эту страну, но численность нашего народа здесь уменьшается, и будет продолжать уменьшаться, если им не позволят вернуться на их родную землю. Такой результат неизбежен.

Здесь нет климата или почвы, которые, на мой взгляд, были бы равны климату Аризоны. У нас могло бы быть много хорошей обрабатываемой земли, много травы, много древесины и много полезных ископаемых на той земле, которую Всевышний создал для апачей. Это моя земля, мой дом, земля моих отцов, на которую я сейчас прошу разрешения вернуться. Я хочу провести там

свои последние дни и быть похороненным среди этих гор. Если бы это было возможно, я мог бы умереть спокойно, чувствуя, что мой народ, размещенный в своих родных домах, увеличится в численности, а не уменьшится, как сейчас, и что наше имя не исчезнет.

Я знаю, что если бы мой народ был размещен в этом горном районе, расположенном вокруг истоков реки Гила, он жил бы в мире и действовал в соответствии с волей Президента. Они были бы процветающими и счастливыми, возделывая землю и постигая цивилизацию белых людей, которых они теперь уважают. Если бы я только увидел, что это достигнуто, я думаю, что смог бы забыть все обиды, которые я когда-либо получал, и умереть довольным и счастливого возраста человеком. Но мы сами ничего не можем сделать в этом вопросе — мы должны ждать, пока те, кто стоит у власти, решат действовать. Если это невозможно сделать при моей жизни — если я должен умереть в рабстве, — я надеюсь, что остатки племени апачей, когда меня не станет, получат единственную привилегию, о которой они просят, — вернуться в Аризону.